Сибирскій Архивъ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II.

№ 4.

Апрѣль. 1913 годъ.

ИРКУТСКЪ.
Ирк. Эл.-тип. «Т-ва М. П. Окуневъ и К°».
1913.

Иркутскъ послѣ пожара въ 1879 году.

Иркутская губернія въ изображеніи „Чертежной книги Сибири“ Семена Ремезова.

Какъ извѣстно, чертежная книга Сибири, составленная тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Емельяновичемъ Ремезовымъ, является замѣчательнѣйшимъ памятникомъ старинной русской картографіи.

Съ распространеніемъ русскаго владычества за Ураломъ съ конца XVI и въ теченіе XVII столѣтія, русское правительство обогатилось множествомъ свѣдѣній о вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ, а также и сосѣднихъ восточныхъ странахъ. На основаніи этихъ свѣдѣній составлялись чертежи Сибири и прилежащихъ къ ней земель и независимыхъ владѣній. Изъ предисловія къ чертежной книгѣ Ремезова видно, что такіе чертежи дѣлались въ Тобольскѣ, по грамотамъ великихъ государей, начиная съ 1668 года и затѣмъ во многіе слѣдующіе; при чемъ чертежи постепенно исправлялись и дополнялись. Въ 1695 году былъ постановленъ боярскій приговоръ о новомъ составленіи чертежей по Сибири, на основаніи свѣдѣній, вновь собранныхъ на мѣстахъ *). Предпринятыя во исполненіе этого приговора развѣдки и чертежныя работы, очевидно, послужили Ремезову богатымъ пособіемъ при составленіи его чертежей, наряду съ географическими рукописями и допросами свѣдущихъ людей и „памятливыхъ бывальцовъ“.

Чертежными работами занимался Ремезовъ въ теченіе многихъ лѣтъ; еще въ 1695 году онъ представилъ въ Сибирскій приказъ карту Сибири, за которую и получилъ одобреніе. Послѣ этого, на него было возложено порученіе свести въ одно цѣлое всѣ присылаемыя изъ Сибири карты. Въ ноябрѣ 1698 г. Ремезовъ уже выполнилъ возложенное на него порученіе и представилъ свой новый трудъ думному дьяку Сибирскаго приказа, Андрею Андреевичу Виніусу, и за работу былъ пожалованъ выходомъ великаго Государя и пятью

*) Полное собраніе законовъ, т. III, № 1532.

рублями денегъ. Продолжая и затѣмъ, по приказанію Виніюса, свои картографическія работы уже въ Тобольскѣ, Ремезовъ, при помощи трехъ своихъ сыновей, начертилъ атласъ Сибири, или такъ называемую чертежную книгу Сибири, окончивъ свои работы къ 1-му января 1701 года. Эта книга сохранилась до нашего времени и составляетъ славу Ремезова.

„Неудивительно, конечно“,—говоритъ А. Ѳ. Миддендорфъ о трудѣ Ремезова;—*) „если здѣсь о долготѣ и широтѣ нѣтъ и помину, если размѣръ меньше извѣстныхъ и меньше обитаемыхъ сѣвернѣйшихъ странъ тѣмъ короче, чѣмъ ближе онѣ къ Ледовитому морю; неудивительно также, что рѣки здѣсь проложены толщиною въ мизинецъ, а озера являются, по произволу, то въ видѣ полумѣсяца, то полнаго мѣсяца, или даже въ видѣ цвѣтка, и въ идеальномъ изображеніи неправильности своихъ очертаній по высшей мѣрѣ достигаютъ формы картофеля; города въ своихъ изящныхъ символическихъ знакахъ занимаютъ по нѣскольку десятковъ квадратныхъ миль; въ иныхъ мѣстахъ, по тогдашнему обычаю, плотно наставлены раскрашенныя деревья и звѣри для обозначенія лѣсовъ, кустарниковъ и пушныхъ звѣрей; сѣверъ полагается не по греческому обычаю, усвоенному нынѣ въ видѣ общаго правила, а по хранившемуся до XVI-го вѣка арабскому, внизу листа, или даже его положеніе измѣняется по произволу. Но всего наивнѣе передана граница всей Сибири, омываемая моремъ: очертаніе страны приноравливается здѣсь къ рамкѣ самой карты! Это ужъ, конечно, ниже, чѣмъ было на картахъ въ западной Европѣ въ XIV столѣтіи, когда части свѣта обводились прямолинейными же границами, но по особеннымъ причинамъ и съ полнымъ ихъ сознаніемъ именно потому, что шарообразный видъ земли по системѣ Птоломея казался несогласнымъ съ нѣкоторыми мѣстами священнаго писанія. Въ начертаніи береговъ Ремезовъ шелъ вдоль горизонтальнаго края листа, пока не встрѣтился на правомъ концѣ его съ другимъ краемъ, въ перпендикулярномъ направленіи, по которому онъ и повернулъ подъ прямымъ угломъ и продолжалъ идти до новой встрѣчи съ горизонтальною линіей третьей стороны листа. Оттого то и на древнѣйшихъ картахъ Витзена и Избрандта Идеса, какъ заимствованныхъ у нашего Ремезова, Сибирь имѣетъ видъ прямоугольного квадрата, который позднѣе перешелъ въ трапецію, когда эти очертанія были со строгою

*) А. Миддендорфъ. „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“ 7. 1. СПБ. 1860 г., стр. 38—39.

точностью перенесены въ сѣть градусовъ долготы, постепенно суживающуюся къ полюсу.

„Несмотря на всю чудовищность, эти первыя карты, какъ западная Европа, такъ особенно Россія, должна принять съ рѣшительною благодарностью. Онѣ возникли изъ настоятельной нужды центральнаго управленія въ Москвѣ, которое до тѣхъ поръ распоряжалось ощупью: на первый разъ онѣ достаточно удовлетворяли его потребностямъ. Съ помощью ихъ можно было съ приблизительною вѣрностью представить себѣ положеніе извѣстнѣйшихъ областей по странамъ свѣта, которыя обозначены на нихъ магнитною стрѣлкою. Вездѣ также показаны разстоянія мѣстъ, исчисляемыя днями пути, и около Тобольска даже верстами. Начало было сдѣлано Съ тѣхъ поръ правительство, получая изъ своихъ областей донесенія, могло уже съ предварительнымъ разсчетомъ распоряжаться разсылкою своихъ указовъ, а это было для него, конечно, важнѣе точнаго опредѣленія градусовъ долготы и широты.

„Держась этой точки зрѣнія, и мы не затрудняемся принять изготовленіе этой первой спеціальной карты точкою поворота, которая имѣла существенное вліяніе на улучшеніе состоянія всего края, и которой потому суждено привлекать къ себѣ вниманіе не однихъ любителей старины. Точность, съ которою Ремезовъ положилъ на бумагу населеннѣйшую окружность Тобольска, и въ томъ числѣ даже многіе рукава рѣки Оби, тщательность, съ какою показаны у него поселенія по Енисею, его изображенія Амурскаго края и тогдашняго этнографическаго положенія Сибири — все это даетъ его атласу болѣе значенія, чѣмъ какой-нибудь археологической рѣдкости. Скажемъ больше: изъ него, какъ и нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ трудовъ этого рода, можно почерпнуть кое-что для улучшенія даже новѣйшихъ картъ Россіи. При всей грубости и скудости этихъ первыхъ спеціальныхъ картъ, ими начался новый періодъ управленія Россіей“...*)

Таковъ отзывъ знаменитаго ученаго о трудѣ Ремезова; нужно признаться, что Миддендорфъ отозвался объ этомъ трудѣ съ точки зрѣнія картографа.

Само собою разумѣется, эта точка зрѣнія не исключаетъ

*) См. „Чертежная книга Сибири, составленная тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 г.,“ въ изданіи Археографической Коммиссіи 1882 г. (СПБ.); также приложеніе къ этой книгѣ (СПБ. 1882 г.). *Н. Н. Оглоблинъ* „Источники чертежной книги Сибири Семена Ремезова.“ СПБ. 1891 г.

возможности взглянуть на чертежную книгу Сибири и со стороны ея историческаго значенія (это отчасти и было сдѣлано тѣмъ же Миддендорфомъ), а также разсматривать ее, какъ матеріалъ для историческаго описанія той или иной изъ сибирскихъ областей; въ послѣднемъ случаѣ, чертежная книга Сибири представляетъ величайшій интересъ, какъ сводка всѣхъ тѣхъ письменныхъ и словесныхъ свѣдѣній о различныхъ сибирскихъ областяхъ, которыя накопились въ Тобольскѣ къ концу XVII-го столѣтія, и которыми въ частности располагалъ Семенъ Ремезовъ, этотъ знаменитый тобольскій картографъ и лѣтописецъ. *)

Съ этой точки зрѣнія, мы и попытаемся дать описаніе территоріи современной Иркутской губерніи, пользуясь для этого изданною въ 1882 г. Археографическою Комиссіей по случаю трехсотлѣтняго юбилея присоединенія Сибири „Чертежною книгою“ Семена Ремезова.

Это описаніе даетъ намъ возможность сдѣлать сводку тѣхъ свѣдѣній о территоріи нынѣшней Иркутской губерніи, которыя были въ распоряженіи Ремезова, когда онъ, въ концѣ XVII-го столѣтія, составлялъ свой знаменитый трудъ по картографіи Сибири.

Чертежную книгу Сибири Семена Ремезова составляютъ 23 чертежа, исполненные на отдѣльныхъ листахъ:

1) чертежъ „града Тобольска и посадовъ нагорья и подгорья съ улицами“.
2) « земли „Тобольскаго города“.
3) « « Тарскаго «
4) « « Тюменскаго «
5) « « „Туринскаго острогу“.
6) « « Верхотурскаго города.
7) « « Пелымскаго «
8) « « Березовскаго «
9) « « Сургутскаго «
10) « « Нарымскаго «
11) « « Томскаго «
12) « « Кузнецкаго «
13) « « Туруханскаго «
14) « « Енисейскаго «
15) « « Красноярскаго «
16) « « Илимскаго «
17) « « „Якутцкаго“ «

*) Миллеръ приписываетъ Ремезову сочиненіе такъ называемой „Краткой сибирской лѣтописи“ (Кунгурской); издана Археограф. Комиссіей въ 1882 г. (СПБ.).

18) « « „Иркуцкаго“

19) « « Нерчинскаго «

20) „Чертежъ земли всей безводной и малопроходной каменной степи“.

21) „Чертежъ всѣхъ Сибирскихъ городовъ и рѣкъ и земель“. („Писанъ на Москвѣ, въ Сибирскомъ приказѣ, со всѣхъ городовыхъ чертежей въ 207 году, сентября въ 18 число, по бѣлой китайкѣ, длины 6 аршинъ, поперегъ 4 аршина“).

22) „Чертежъ вновь Великопермскія и Поморіе Печерскіе и Двинскіе страны до Соловецкіе проливы со окрестными жилищи“.

23) „Чертежъ и сходство наличіе земель всей Сибири Тобольскаго города и всѣхъ разныхъ градовъ и жилищъ и степей“.

Изображеніе территорій нынѣшней Иркутской губерніи, взятой по частямъ, имѣется въ 6-ти чертежахъ Ремезова: 13-мъ, 14-мъ, 15-мъ, 16-мъ, 17-мъ и 18-мъ, преимущественно въ трехъ послѣднихъ.

Чертежъ земли Туруханскаго города захватываетъ собою районъ р. Нижней Тунгузки; такимъ образомъ, онъ касается части территоріи нынѣшняго Киренскаго уѣзда Иркутской губерніи. На чертежѣ земли Енисейскаго города изображены среднее и нижнее, въ предѣлахъ Иркутской губ., Приангарье, а также районъ р. Уды.

Въ чертежѣ земли Красноярскаго города мы находимъ небольшой уголокъ нынѣшняго Нижнеудинскаго уѣзда Иркутской губерніи, съ однимъ только поселеніемъ: Удинскимъ острогомъ; чертежъ земли Илимскаго города захватываетъ преимущественно территоріи 3-хъ нынѣшнихъ уѣздовъ губерніи: Киренскаго, Верхоленскаго и Балаганскаго; чертежъ земли Якутскаго города изображаетъ преимущественно территорію бассейна р. Лены (Лена здѣсь изображена во всю длину ея, отъ истока изъ какого-то озера до Ледовитаго океана), т. е. земли большей части нынѣшнихъ Иркутской губерніи и Якутской области; и, наконецъ, чертежъ земли Иркутскаго города даетъ намъ изображеніе всего Кругобайкалья, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всѣхъ земель, расположенныхъ какъ къ югу и сѣверу отъ Байкала, такъ и къ востоку и западу отъ него.

Всѣ эти чертежи, вмѣстѣ взятые, захватываютъ почти всю территорію Иркутской губ.

Обратимся къ сводкѣ того картографическаго матеріала, касающагося Иркутской губерніи, который разбросанъ у

Ремезова въ 6-хъ указанныхъ выше чертежахъ. Мы заранѣе оговариваемся, что сводка этого матеріала является главнѣйшею цѣлью нашей работы; оцѣнки же его мы будемъ, по возможности, избѣгать, также не будемъ указывать на картографическіе недостатки труда Ремезова.

I. ГИДРОГРАФІЯ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Водные пути сообщенія долгое время были въ Сибири единственными путями, по которымъ сообщались между собою русскіе, пришедшіе въ эту окраину; можно сказать, что и само завоеваніе Сибири шло по рѣкамъ; въ завоеваніи Восточной Сибири, напримѣръ, р. Ангара, какъ водный путь, имѣла чрезвычайно большое значеніе: по ней преимущественно передвигались русскіе отъ Енисея въ предѣлы нынѣшней Иркутской губерніи, а затѣмъ и на Байкалъ, а отсюда по Селенгѣ и другимъ рѣкамъ и въ Забайкалье, съ Ангары же, черезъ посредство Ленскаго волока, переходили на Лену. Неудивительно будетъ поэтому, если у русскихъ пришельцевъ въ Сибирь накоплялись прежде всего свѣдѣнія по гидрографіи края. Это не могло не придать особаго отпечатка и чертежамъ Ремезова: остовъ его чертежей составляютъ обычно рѣки, съ ихъ многочисленными притоками.

Всѣ рѣки въ Иркутской губерніи могутъ быть отнесены къ двумъ бассейнамъ: Лены и озера Байкала съ Ангарою.

По чертежамъ Ремезова, правыми притоками Лены, въ предѣлахъ Иркутской губерніи, являются:*) 1) Бирюлька, 2) Анга, 3) Анѣпа, 4) Тутура, 5) Орленга, 6) Таюра съ правымъ притокомъ: Чикою, 7) Куторака, 8) Киренга, 9) Чуя и 10) Витимъ. Лѣвые притоки Лены: 1) Иликта, 2) Маризюрка (Манзерка), 3) Куленга, 4) Илга съ лѣвыми притоками: Тирикомъ и Тыктою, 5) Углиня, 6) Кута (показана слившеюся изъ рѣкъ Купы и Муки, послѣдняя имѣетъ лѣвые притоки: Тамъ и Березовку), 7) Якуримъ, 8) Тирия, 9) Тирия малая, 10) Игоръ, 11) Пеледуй съ правымъ притокомъ: Кардимомъ, 12) Нюя (ея правый притокъ: Курея, и лѣвый Тына) **).

---

*) Указаны только тѣ притоки, которые имѣютъ на чертежахъ Ремезова названія. Притоки приведены въ приблизительномъ порядкѣ постепенности, отъ вершины рѣкъ къ ихъ устьямъ.

**) При перечисленіи рѣкъ сохранены написанія Ремезова; въ нѣкоторыхъ случаяхъ названія рѣчекъ лишь немного не сходятся съ теперешними ихъ названіями: у Ремезова Маризюрка (или Манзерка)—теперь Манзурка; Тирикъ—Тиликъ, Тыкта—Тыпта, и т. д.

Для рѣкъ: Киренги и Нюи, указаны „разсохи“, т. е. развѣтвленія вершинъ.

Правые притоки Киренги: 1) Кутима, 2) Мина, 3) Нижняя Домуда, 4) Домуда, 5) Выкунай (Выкунайка) и 6) Кулугуръ; лѣвый притокъ Киренги: Ичикта.

Правые притоки Витима: 1) Карчи, 2) Ципирь, 3) Курея и 4) Кутомара; лѣвые: 1) Ккелали, 2) Килимидъ — (съ правымъ притокомъ Елыханъ), 3) Цыпа, 4) Камара, 5) Муя.

Байкалъ, по чертежамъ Ремезова, имѣетъ много рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ него. Изъ этихъ рѣчекъ мы укажемъ только на тѣ, которыя расположены по юго-восточному, южному и западному побережьямъ Байкала, въ направленіи отъ Селенги до Верхней Ангары. Эти рѣчки и рѣки: 1) Мансуриха, 2) Подковырина, 3) Мишиха, 4) Переемна, 5) Ведреная, 6) Култушна, 7) Снѣжна, 8) Муринъ, 9) Тугалинъ, 10) Безымянна, 11) Похабиха, 12) Половинна, 13) Голоустна, 14) Малая Багильдейка, 15) Большая Багильдейка, 16) Колесникова, 17) Кетельникова, 18) Горемыкина, 19) Слудная, 20) Котюгина, 21) Верхняя Ангара.

Выходящею изъ о. Байкала показана р. Ангара.

Это обиліе прибайкальскихъ рѣчекъ, показанныхъ на 18-мъ чертежѣ Ремезова, лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, насколько важное значеніе имѣло въ старину „море Байкалъ“, какъ видный путь сообщенія между различными частями Прибайкалья; въ настоящее время такое значеніе Байкала въ значительной степени пало. Между устьями всѣхъ рѣчекъ и рѣкъ, впадающихъ въ Байкалъ, показаны разстоянія въ „дняхъ ходу“ (отъ такой-то рѣчки до такой-то столько-то дней ходу); такимъ образомъ, Ремезову было хорошо извѣстно, въ сколько дней можно было, напримѣръ, добраться по Байкалу отъ Верхнеангарска до Кабанска, отъ Иркутска до Горемыкиной и т. д.

Правые притоки Верхней Ангары: 1) Кызылбанка, 2) Ичерга и 3) Гремetуха; лѣвые: 1) Вихляйка съ правымъ притокомъ Котерею, 2) Свѣтлая и 3) Осиновка. Р. Верхняя Ангара показана съ тремя устьями: верхнимъ большимъ, среднимъ и нижнимъ.

Правые притоки р. Ангары: 1) Талиса, 2) Бурдугусъ, 3) Королокъ, 4) Куда, 5) Балей, 6) Оса, 7) Анамырь, 8) Шаманка, 9) Илимъ, 10) Карамчанка (Карапчанка) и 10) Ката; лѣвые: 1) Иркутъ, 2) Китой, 3) Бѣлая, 4) Уганъ, 5) Ока, 6) Вихорева, 7) Будура, 8) Бадарма, 9) Ненвойка, 10) Ушама, 11) Ксуль, 12) Кова, 13) Мура и 14) Уда.

Отъ Чечуйскаго острога шелъ волокъ на нижнюю Тунгузку, соединявшій такъ же, какъ и Илимскій, бассейнъ Енисея съ бассейномъ Лены.

Отъ Чечуйскаго острога „всего на Тунгуску к (20) версть“ (чертежъ 16), „сухимъ путемъ полъдни“ (черт. 13). На чертежѣ 18-мъ показаны Ремезовымъ двѣ дороги отъ Верхней Ангары до Баргузина.

1) отъ Верхне-Ангарска по р. Верхней Ангарѣ и ея притоку:

Вихляйкѣ, на озеро Баунъ, черезъ хребты, и по р. Цыпѣ къ вершинѣ р. Баргузина.

2) отъ Верхне-ангарскаго острога, прямо по р. Свѣтлой, и черезъ хребеты къ острогу Баргузинскому.

На этомъ же чертежѣ указаны двѣ дороги, сливающіяся между собою, отъ верховьевъ р. Лены къ о. Байкалу: одна дорога идетъ отъ Анги, а другая отъ Манзурки; по сліяніи этихъ двухъ путей въ одинъ, дорога направляется прямо къ о. Байкалу, съ выходомъ около „Крестовой Пади“.*)

Отъ прилепской деревни Куржумовой показана дорога къ верховьямъ р. Куленги (отсюда, очевидно, примѣнялся переходъ на верховья р. Куды).

Отъ Култука показаны двѣ дороги по направленію къ Иркуту, около котораго эти двѣ дороги слиты въ одну, затѣмъ дорога тянется вдоль р. Иркута, сворачиваетъ на Тункинскій острогъ, проходитъ въ верховьямъ названной рѣки и, наконецъ, выходитъ на озеро Косоголъ; „по ней и въ степи подъѣзжаютъ воровскіе мунгальскіе люди, черезъ камень“, (черт. 18).

Рѣка Витимъ, какъ водный путь, представляла, благодаря своимъ порогамъ въ среднемъ теченіи, большія препятствія завоевателямъ—русскимъ. Одинъ изъ такихъ пороговъ (близъ устья р. Камары) такъ описанъ Ремезовымъ: „порогъ добре великъ, по обѣ стороны порогу камень, великой утесъ, бичевника нѣтъ; по каменю за порогъ лесная верста; а хлѣбные запасы, всякую рухлядь носятъ на себѣ, а суды дѣлаютъ за порогомъ...“ (черт. 17).

НАСЕЛЕНІЕ.

Населеніе Иркутской губерніи, къ концу XVII го столѣтія, состояло изъ пришельцевъ-русскихъ и аборигеновъ края: тунгусовъ и бурятъ преимущественно.

---

*) Этою дорогою, очевидно, сообщались между собою Верхоленскій и Селенгинскій края (черезъ Байкалъ).

Относительное распредѣленіе въ краѣ русскаго и инородческаго населенія въ то время, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, было иное, чѣмъ въ данный моментъ: такъ, большая часть нынѣшняго Тункинскаго края была занята, очевидно, тунгусами (быть можетъ, сойотами?), тогда какъ буряты въ бассейнѣ рѣки Иркута жили ближе къ Иркутску; въ настоящее время въ Тункинскомъ краѣ совершенно нѣтъ тунгусовъ, и онъ почти весь занятъ бурятами. Что здѣсь жили раньше тунгусы, видно изъ того, что Кунтучное зимовье на Байкалѣ и Тункинскій острогъ, по свѣдѣніямъ Ремезова, собирали ясакъ не съ кого другого, а именно съ тунгусовъ.

Въ предѣлахъ нынѣшнихъ Верхоленскаго и Киренскаго уѣздовъ русское населеніе состояло уже изъ пашенныхъ *крестьянъ, приписанныхъ то къ Якутску, то къ Илимску.*

Относительно разселенія здѣсь русскихъ и инородцевъ у Ремезова имѣются слѣдующія примѣчанія:

«Сусть, вверхъ по Киренгѣ до Домуды речки *р* (100) верстъ, живутъ по ней, по обѣ стороны, пашенныя Якуцкого города, а между теми деревнями кочуютъ илимскіе ясашные иноземцы, переходя съ рѣки на рѣку, и всякаго звѣря промышляютъ и кормятся» (чертежъ 16).

«А живутъ по Киренгѣ ясашны тунгусы, *Кочирцы*, а государевъ ясакъ даютъ на Илимскій волокъ» (чертежъ 17)*).

По правому притоку Киренги, р. Кутимѣ, помѣчены «зимовья промышленныхъ людей».

Кочевья инородцевъ, изображаемыя Ремезовымъ символически въ видѣ налатокъ, помѣчены на слѣдующихъ притокахъ Киренги: Кутимѣ, Минѣ, Нижней Домудѣ и Ичиктѣ.

На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній Ремезова, можно сдѣлать слѣдующіе выводы: къ концу XVII-го столѣтія, *въ районѣ р. Киренги жили русскіе и тунгусы, первые имѣли* къ этому времени уже пашню, и часть хлѣба отдавали въ распоряженіе г. Якутска, какъ пашенные крестьяне этого города; тунгусы же платили ясакъ въ Илимскъ. Затѣмъ, на основаніи другихъ примѣчаній Ремезова, нужно предположить, что на всемъ протяженіи р. Лены до Якутска и по р. Кутѣ пашенные крестьяне были приписаны къ Якутску, и только на пространствѣ между Киренскимъ и Чечуйскимъ острогами пашенные крестьяне принадлежали къ Илимску («деревни ниже Киренги и выше Чичуйсково Илимскаго присуду Киренскаго уѣзду»).

Къ Илимскому «присуду» принадлежали затѣмъ и нѣкоторыя деревни по р. Орлигѣ, а также между верховьями

*) Курсивъ вездѣ нашъ. И. И. С.

р. Таюры и р. Киренги. Всѣ же остальныя поселенія были, очевидно, подъ Якутскимъ присудомъ: около Кривой Луки р. Лены «деревни криволуцки, якутскіе заимки»; по рѣчкѣ Тириѣ Малой, «деревни подъ якуцкимъ» присудомъ; по р. Якуриму, «живутъ пашенные крестьяне Якутскіе»; по р. Тутурѣ, селенія «подъ якуцкимъ присудомъ»; въ Бирюльку «якуцкіе приказные посылаются» и т. д.

Таково было разселеніе русскихъ людей по р. Ленѣ и ея нѣкоторымъ притокамъ.

Между русскими селеніями по р. Ленѣ были разбросаны и стойбища тунгусовъ, которые переходили съ рѣчки на рѣчку, а ясакъ относили преимущественно на г. Илимскъ.

«А на усть Чай и выше Киренги до Витима все ясашные тунгусы, *Шалагири*» (чертежъ 17).

Далѣе въ значительномъ количествѣ кочевали тунгусы по рр. Витиму, Нижней Тунгузкѣ, Верхней Ангарѣ и по Ангарѣ, въ ея нижнемъ теченіи*). «А по тѣмъ рѣкамъ по всѣмъ живутъ тунгусы *Шелохницы Комбоко* (?), со своими улусными людьми» (относится къ притокамъ р. Витима, чертежъ 17).

Помѣчены кочевья и по р. Таюрѣ, притокѣ Лены („по ней русскаго жилья нѣтъ"), и по р. Ичергѣ, притокѣ Верхней Ангары.

Обратимся къ р. Илиму и средней части р. Ангары.

«Отъ Яндинскаго (острога), вверхъ по Ангаре до Балаганской межи, Верхней Еловки речки, *ке* (25) верстъ, живутъ илимскіе пашенные крестьяне по левой стороне» (чертежъ 16).

«Отъ Илимскаго (острога), вверхъ по Илиму, до Подволошной Кочерги *рнз* (156) верстъ, живутъ по обѣ стороны Илима рѣки Илимскіе пашенные крестьяне, и перекочевываютъ илимскіе иноземцы для своего корму съ речки на речку» (ibid.).

«Вверхъ по Ангарѣ до Шаманскаго порогу *лд* (34) версты, живутъ крестьяне и кочуютъ илимскіе ясашные иноземцы» (ibid.).

«Отъ устья (Илима) до Каты *н* (80) верстъ, а по обѣ стороны живутъ илимскіе крестьяне» (ibid).

По р. Катѣ «русскаго жилья нѣтъ» (ibid), кочевья тунгусовъ.

«Отъ Илимска (города) внизъ до устья *рд* (104) версты, а живутъ по обѣимъ сторонамъ крестьяне» (ibid).

*) По р. Нижней Тунгузкѣ были и русскія поселенія („великаго государя живутъ мангазейскіе пашенные крестьяне". черт 13).

Таково было здѣсь разселеніе русскихъ людей, которые, въ качествѣ пашенныхъ крестьянъ, были приписаны къ г. Илимску.

Кочевья инородцевъ здѣсь, въ частности, были помѣчены Ремезовымъ по слѣдующимъ притокамъ Илима: рр. Игирмѣ, Зырянкѣ, Казачьей, Байкаловкѣ и Черной: и по притоку Ангары, р. Катѣ.

Если обратиться далѣе къ Прибайкалью вообще, и къ верхнему Приангарью въ частности, то окажется слѣдующее. На ряду съ русскими поселеніями здѣсь были разбросаны и кочевья инородцевъ, преимущественно бурятъ, эти кочевья помѣчены Ремезовымъ во многихъ мѣстахъ: по бассейну рѣки Куды, въ нынѣшней Ордынской степи, въ вершинѣ рр. Иды и Осы; между рр. Китоемъ и Бѣлою, по р. Булаю, по лѣвой сторонѣ р. Ангары, по р. Иркуту (кочевья «братскихъ людей» помѣчены немного ниже Смоленщины и противъ «Каклашъ»); затѣмъ «жилья братскихъ ясашныхъ людей» имѣются по рѣкѣ Большой Багильдейкѣ и Голоустной; на островѣ Ольхонѣ помѣчены «жилья верчинскихъ ясашныхъ людей» (чертежъ 18); указаны «братскія» кочевья и на Осинскомъ островѣ, а также въ низовьяхъ р. Оки (черт. 14). Въ верховьяхъ р. Оки указаны Ремезовымъ какіе-то «ясачные мужики *кармапри*» (черт. 14); при впаденіи Ии въ Оку значатся «переведенцы», т. е. переселенцы, это единственный случай указанія на «переведенцевъ» (ibidem). По р. Удѣ отмѣчены «красноярскаго присуду ясашные люди» — «*Кочюрцы*», «*Кутовцы*», «*Туманчевцы*», тунгусы и «братскіе мужики Енисейскаго присуду» (черт. 14).

Таково было разселеніе народностей въ Иркутской губерніи XVII-го вѣка, въ изображеніи «чертежей» Ремезова.

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

Русскіе населенные пункты, имѣющіеся на чертежахъ Ремезова, можно разбить на три главныя группы — 1) «грады», 2) остроги и 3) другія, болѣе мелкія поселенія: слободы, деревни, заимки, монастыри и пр.

Грады и остроги изображаются Ремезовымъ такъ, что схематически даютъ представленіе объ ихъ внѣшнемъ видѣ: они иногда вырисовываются съ крѣпостными стѣнами, башнями, церквами, домами и пр.; самыя мелкія поселенія обозначаются символически домиками, такъ же, какъ кочевья инородцевъ — палатками. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, можно положительно утверждать, что ремезовское изображеніе остроговъ въ общемъ отвѣчало дѣйствительности, что на

нѣкоторыхъ примѣрахъ и было въ свое время доказано И. В. Султановымъ*).

Остается только вопросомъ, къ какому именно времени должно быть отнесено то состояніе острога или города, въ которомъ они изображены на чертежахъ Ремезова. Не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что Ремезовъ пользовался не всегда равноцѣннымъ матеріаломъ: къ его услугамъ были матеріалы, какъ свѣжіе, такъ и сравнительно старые, какъ полные, такъ и неполные, болѣе или менѣе схематическіе. Для нанесенія на карту земель Илимскаго города, Ремезовъ, несомнѣнно, пользовался устарѣлыми и не отличающимися полнотою свѣдѣній матеріалами: здѣсь онъ не наноситъ на карты населенныхъ пунктовъ поименно, а предпочитаетъ дѣлать только общія указанія, („по обѣ стороны рѣки живутъ пашенные крестьяне“ и т. п.); на чертежѣ земли Илимскаго города у него указана только одна церковь, именно въ Киренскомъ острогѣ; тогда какъ къ концу XVII-го столѣтія въ Илимской землѣ было построено уже сравнительно много церквей, входившихъ въ составъ такъ называемаго „Илимскаго заказа“**).

И, наоборотъ, при составленіи чертежа земли Иркутскаго города, Ремезовъ пользовался, очевидно, болѣе свѣжими данными: здѣсь у него нанесено на карту и много отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ, и болѣе часто встрѣчаются церкви въ селеніяхъ и т. д.

Принимая все это во вниманіе, мы попытаемся дать описаніе городовъ и остроговъ въ томъ видѣ, какъ они изображены Ремезовымъ, и начнемъ съ „града Иркутска“.

Иркутскъ изображенъ въ видѣ „рубленаго города“, расположеннаго на правомъ берегу р. Ангары, противъ впаденія въ послѣднюю Иркута***). Въ восточной стѣнѣ города имѣются 3 башни, двѣ по угламъ крѣпости, и одна по срединѣ стѣны (повидимому, проѣзжая), въ южной стѣнѣ — двѣ башни, одна посрединѣ стѣны, другая недалеко отъ юго-западнаго угла крѣпости; въ западной стѣнѣ башенъ нѣтъ; указаны только два сооруженія: одно посрединѣ этой

*) См. И. В. Султановъ. Остатки Якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири. СБИ. 1907 г. „Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи“, выпускъ 24.

**) См. объ этомъ мою статью въ № 4-мъ „Сибирскаго Архива“ „О старинныхъ домахъ и церквахъ въ Иркутской губерніи“. Ирк. 1912 г.

***) По даннымъ чертежей Ремезова, „рубленые города“ въ Сибири находились, помимо Иркутска, только въ Якутскѣ, Мангазеѣ и Пелымѣ.

стѣны (съ какимъ-то высокимъ, крытымъ сверху крыльцомъ — лѣстницею), другое—на сѣверозападномъ углу крѣпости, похожее на большую избу; въ сѣверной стѣнѣ—посрединѣ большая проѣзжая башня, верхушка которой увѣнчана крестомъ; быть можетъ, это не только главная проѣзжая башня, но и цѣлая „церковь надъ вратами", вродѣ той, которая сохранилась до нашего времени въ Киренскомъ монастырѣ; справа отъ этой башни, на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, въ городовой же стѣнѣ—показана изба, имѣющая меньшіе размѣры сравнительно съ угловою избою. Въ серединѣ крѣпости изображена церковь*) и рядъ построекъ, что обозначено шестью избушками, такія же избушки разбросаны и кругомъ крѣпости, внѣ ея стѣнъ. Противъ западной стѣны изображена церковь (или часовня); нельзя съ точностью указать, относится ли она къ Иркутску или къ д. Разводной, вѣроятнѣе всего, къ послѣдней, ибо эта часовня ни въ какихъ историческихъ документахъ, относящихся къ Иркутску, не упоминается. Что-то вродѣ часовни или церкви помѣщено Ремезовымъ и противъ восточной стѣны крѣпости (вѣроятнѣе всего, это все-таки не часовня, а какое-нибудь большое казенное или частное зданіе; а, быть можетъ, и Богоявленскій соборъ, заложенный въ 1693 г.).

Ремезовское изображеніе г. Иркутска было впослѣдствіи скопировано знаменитымъ голландскимъ ученымъ, Витзеномъ, и въ нѣсколько, если можно такъ выразиться, „ogollandizированномъ" видѣ затѣмъ помѣщено на страницахъ его извѣстнаго труда: „Nord en Oost Tartarien"**)

Къ какому же времени долженъ быть отнесенъ Иркутскъ, изображенный Ремезовымъ на его 18-мъ чертежѣ?

На основаніи „Иркутской лѣтописи" Нежемскаго и нѣкоторыхъ историческихъ документовъ, относящихся ко второй половинѣ XVII го столѣтія, въ первоначальной исторіи развитія Иркутска можно намѣтить слѣдующія три ступени: 1) съ 1652 г. по 1661 годъ, Иркутскъ существовалъ въ видѣ зимовья на Дьячемъ островѣ; 2) въ 1661 году Иркутскъ былъ перенесенъ на правую сторону р. Ангары и былъ переименованъ въ острогъ; и таковымъ онъ числился, по однимъ лѣтописнымъ даннымъ, по 1682 г., а по другимъ—по 1686 годъ; за это время онъ представлялъ изъ себя тыновое укрѣпленіе съ башнями; о возведеніи въ Иркутскѣ этихъ укрѣпленій есть два упоминанія въ Ир-

*) Прежняя Спасская церковь.

**) „Первое столѣтіе Иркутска". Изд. В. П. Сукачева, СПБ. 1902 г.

кутскихъ лѣтописяхъ: подъ 1661 г. и подъ 1669 г.; возможно, конечно, предположить, что въ 1669 г. Иркутскій острогъ только перестраивался; 3) съ 1682 г. (или съ 1686 г.) Иркутскъ былъ переименованъ въ городъ*).

Преобразованіе Иркутска въ городъ, какъ административный центръ Прибайкальскаго края, не обусловливало собою обязательнаго преобразованія его и въ крѣпостномъ отношеніи, т. е. преобразованія въ „рубленой городъ", болѣе совершенное крѣпостное сооруженіе, въ сравненіи съ тыновою оградою.

Тѣмъ не менѣе, „рубленой городъ" былъ, очевидно, все-таки построенъ, и время его постройки должно быть отнесено къ 1693 году (подъ 1693 годомъ, у Нежемскаго упоминается о постройкѣ въ Иркутскѣ *новой деревянной крѣпости*); въ этомъ году здѣсь было положено также начало постройкамъ Знаменскаго монастыря и Богоявленскаго Собора**).

Ремезовское изображеніе Иркутска должно быть отнесено къ Иркутску третьяго періода: оно изображаетъ городъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ находился въ періодъ времени, съ 1693 г. по 1698 годъ, т. е. въ самомъ концѣ XVII-го столѣтія. За это говорятъ слѣдующія соображенія:

1) Иркутскъ у Ремезова нарисованъ въ видѣ „рубленаго" города, а такимъ онъ сталъ съ 1693 года.

2) Около Иркутска, на чертежѣ Ремезова, помѣщенъ Знаменскій монастырь, начало постройки котораго относится къ 1693 году.

Это положеніе можно считать, такимъ образомъ, доказаннымъ; а если это такъ, то становится и вполнѣ достовѣрнымъ наше утвержденіе, что при составленіи чертежа „Земли Иркутскаго города" Ремезовъ пользовался самыми свѣжими свѣдѣніями. ***)

Посмотримъ далѣе, насколько Ремезовское изображеніе г. Иркутска отвѣчало дѣйствительности. Этотъ вопросъ можно рѣшить путемъ изученія историческихъ документовъ, касающихся Иркутска въ концѣ XVII-го столѣтія. Нѣкоторые

*) См. „Иркутская лѣтопись" (лѣтописи П. И. Нежемскаго и В. А. Кротова), изданная подъ моей редакціей Восточно-Сиб. Отдѣломъ И. Р. Геогр О-ва, Ирк. 1911 г., а также „Хронологическій указатель" къ исторіи Сибири Щеглова.

**) „Иркутская лѣтопись", стр. 6.

***) П. М. Головачевъ относитъ Витзеновскій Иркутскъ къ 1692 году (см. „Первое столѣтіе Иркутска"), но это, конечно, невѣрно.

документы говорятъ о томъ, что Ремезовскій Иркутскъ, повидимому, весьма близокъ къ дѣйствительности. Въ „счетномъ спискѣ“ 7205 года (1697 г.) говорится, напримѣръ, про Иркутскъ слѣдующее:

„Иркуцкій великаго государя рубленый городъ мѣрою въ длину и въ ширину по 60 саженъ, крытъ тесомъ, въ вышину до обламовъ 21 вѣнецъ, обламовъ 5 вѣнцовъ, по городу строенья 6 башенъ *новыхъ* въ вышину до обламовъ по 40 вѣнцовъ, обламовъ 6 вѣнцовъ; въ томъ числѣ 4 башни четырехугольныя, пятая проѣзжая 8-ми угольная, вверхъ о 3 уступахъ, большая; да башня жъ 4-угольная проѣзжая съ мосты; да вмѣсто башни сушило большое съ мосты съ верхними и съ середними и съ подошвенными боями“...*) „Въ *городовой стѣнѣ* великаго государя приказная изба съ сѣнми, подъ нею подклѣть, подъ сѣньми подклѣть, а приказная изба и сѣни крыты тесомъ“**) и т. д.

Въ такъ описанномъ Иркутскомъ „городѣ“, во всякомъ случаѣ, есть много сходства съ тѣмъ Иркутскомъ, который изображенъ Ремезовымъ на его 18-мъ чертежѣ.

Перейдемъ далѣе къ описанію другихъ остроговъ, при чемъ будемъ имѣть въ виду только чертежи Ремезова, избѣгая выясненія вопросовъ объ исторической достовѣрности этихъ чертежей.

„*Градъ Илимскъ*“, на чертежѣ 16-мъ, изображенъ въ видѣ острога, четырехугольнаго, и съ тыновымъ укрѣпленіемъ и 8-ми башнями (4 по угламъ и 4 посреди стѣнъ), три башни, находящіеся посреди стѣнъ: сѣверной, южной и западной, проѣзжія, въ острогѣ обыкновенныя постройки и затѣмъ изображены какія-то хоромы; за стѣнами острога разбросаны также постройки ***).

Острогъ Киренскій — четырехугольный, съ 4-мя башнями по угламъ; въ острогѣ церковь, за острогомъ постройки; невдалекѣ отъ него расположенъ монастырь (нарисована какъ бы обыкновенная городьба изъ жердей, въ ней постройки — избы; церкви нѣтъ); такъ изображенъ Киренскій острогъ на чертежѣ 16-мъ. На чертежѣ 17-мъ Киренскъ изображенъ иначе: въ монастырской круглой изгороди имѣется церковь;

*) См. „Первое столѣтіе Иркутска“, стр. 2.

**) ibid.

***) „Рубленый городъ“ на всѣхъ 3-хъ разсматриваемыхъ нами чертежахъ Ремезова только одинъ Иркутскъ: всѣ остальные остроги рублены тыномъ. Тыновой характеръ укрѣпленія Ремезовъ обозначаетъ штриховкою стѣнъ поперекъ: стѣны же „рубленыхъ городовъ“ у него или совсѣмъ не штрихуются, или же штрихуются вдоль. См. объ этомъ у П. В. Султанова.

около монастыря „дворцы монастырски“*); острога уже нѣтъ, а есть „новость Киренской“ (рядъ построекъ, среди нихъ церковь, стѣнъ нѣтъ).

Острогъ Верхоленскій изображенъ Ремезовымъ на всѣхъ трехъ чертежахъ. На 16-мъ чертежѣ, Верхоленскій острогъ — четырехугольный, съ 4-мя угловыми башнями; постройки указаны только внѣ острога, церкви нѣтъ. На чертежахъ 17 и 18-мъ, въ острогѣ показана и церковь.

Острогъ Братскій — тождественъ съ Верхоленскимъ, по чертежу 16-му, но на чертежѣ 14-мъ онъ изображенъ съ церковью внутри острога; противъ него, на другой сторонѣ р. Ангары, указанъ „Братскій монастырь“ (церковь, безъ ограды).

Острогъ Чечуйскій — четырехугольный, съ одною проѣзжею башнею въ серединѣ сѣверной стѣны и постройками внѣ стѣнъ, безъ церкви (чертежъ 16); и съ церковью (черт. 17)).

Острогъ Усть-Кутскій — четырехугольный, съ одною большою, проѣзжею, угловою башнею, съ постройками внутри и внѣ стѣнъ, безъ церкви (черт. 16); на черт. 17-мъ онъ уже обозначенъ, какъ „новость Устькуцкой подъ Илимскимъ присудомъ“ (церковь и избы; стѣны нѣтъ) **).

Острогъ Яндинскій — по р. Ангарѣ, тождественъ съ Верхоленскимъ и Братскимъ (черт. 16).

Острогъ Удинскій — на Удѣ, четырехугольный, безъ башенъ, внутри стѣнъ церковь и избы (черт. 15)***).

Острогъ Верхнеангарскій — на В. Ангарѣ, при впаденіи въ нее р. Свѣтлой, стѣнъ не имѣетъ: церковь и постройки. Приписка Ремезова: „ясакъ собираютъ“ (черт. 18).

Острогъ Тункинскій — на р. Тункѣ, стѣнъ нѣтъ; церковь (ibid) и избы. Приписка: „ясакъ собираютъ съ тунгусовъ“ (ibid).

Острогъ Индинскій — по Ангарѣ, по типу тождественъ съ Верхнеангарскимъ и Тункинскимъ (ibid)****).

Острогъ Голуметскій („Гуламецкой“) — по типу тождеств. съ предыдущимъ (черт. 18.)*****).

---

*) Также изображены приблизительно и иркутскіе монастыри: Знаменскій и Вознесенскій.

**) Приписка Ремезова: „въ Устькуцкомъ живутъ илимскіе годовые плотники“.

***) Нынѣшній г. Нижнеудинскъ.

****) Нынѣшнее село Каменка или Верхнеострожное Индинской волости, Балаг. уѣзда.

*****) Нынѣшнее село Голуметь, Балаг. уѣзда.

Балаганскій острогъ — четырехугольный, безъ башенъ, съ церковью внутри стѣнъ (черт. 14).

Указанными выше острогами исчерпываются всѣ тѣ, которые имѣются на чертежахъ Ремезова.

Что касается болѣе мелкихъ населенныхъ пунктовъ, то здѣсь мы должны констатировать слѣдующее. По южному и западному побережьямъ Байкала нанесены Ремезовымъ только три зимовья: 1) „Култушное", съ припискою о томъ, что здѣсь беруть ясакъ съ тунгусовъ, 2) „Колесниково", при впаденіи въ Байкалъ рѣчки того же названія и 3) „Подкаменное", у устья р. Верхней Ангары. При впаденіи въ Байкалъ р. Ангары помѣщена „часовня Никольска" (тамъ, гдѣ нынѣ село Листвяничное).

По правой сторонѣ Ангары, въ предѣлахъ верхняго Приангарья, показаны на чертежѣ 18-мъ слѣдующія селенія (по направленію отъ Байкала): 1) Разводная, 2) Панова, 3) Уксусова, 4) Щукина, 5) деревня Знаменскаго монастыря, 6) д. Маркеловыхъ, 7) Звѣрева, 8) Ольенская, 9) Буръть, 10) Индинская слобода, 11) Бумашкина; по лѣвому берегу Ангары — 1) Михалева, 2) Каргополова, 3) Поршенникова, 4) Могулева, 5) Усолье, 6) Байдайская слобода (церковь).

Въ районѣ нижняго теченія р. Ангары, на чертежѣ 14-мъ, указаны слѣдующія селенія — по лѣвому побережью: 1) д. Безсоновская, 2) Падуиска, 3) Плюшкина, 4) „Андрюшкина Илимскаго присуду", 5) Заимка старца Путилова; по правому: 1) д. Юшкова, 2) д. Кризыхъ „Илимскаго присуду", 3) Косаткина, 4) Привалихина, 5) Кежемская (церковь). По р. Окѣ — деревни: 1) Кадинска, 2) Ермакова и 3) Большая (черт. 14); и по р. Онѣ — д. Шишкина.

Въ районѣ р. Куды находятся слѣдующія селенія: 1) д. Талькинская, 2) д. Хомутовска, 3) Удинская слобода (церковь), 4) Лецкая слобода (церковь), 5) Урикская слобода, 6) д. Гранены; въ районѣ рѣки Бѣлой: 1) Стрѣтенская Бѣльская слобода (церковь), 2) д. Малтай, 3) Курдюнова: въ районѣ Иркута: 1) д. Перфильева, 2) д. Смоленскихъ, 3) д. Ивана Перфирьева (церковь), 4) д. Шумиловы, 5) Штинникова, 6) Каклашн. 7) д. монастыря Вознесенскаго, 8) Моты.

Въ районѣ Верхней Ангары, кромѣ Верхнеангарскаго острога, показаны — зимовье Банговское и поселеніе безъ названія, между р. р. Котерею и Вихляйкою (съ церковью).

По Илиму, на чертежѣ 16-мъ, указана д. Подволошна (на р. Кочеріѣ), по р. Кутѣ - Усолье*).

*) По р. Мукѣ помѣчено какое-то „городище Плещей" (черт 16).

Противъ Осинскаго острова, на лѣвой сторонѣ р. Ангары, Ремезовымъ сдѣлана слѣдующая надпись: „желѣзные заводы“ (и поставленъ символическій знакъ поселенія); ниже изображено „зимовье“, и новая надпись: „вновь обыскана желѣзная руда“ (черт. 18). Эти указанія Ремезова являются очень интересными; онѣ говорятъ о томъ, что въ старину добывалось желѣзо гдѣ-то сравнительно недалеко отъ Иркутска. Можно предположить, что оно добывалось въ предѣлахъ нынѣшней Евсѣевской волости Балаганскаго уѣзда или же въ Нельхайскомъ вѣдомствѣ (того же уѣзда*).

Заканчивая свою работу, мы не можемъ не отдать дани нашего удивленія и изумленія передъ тѣмъ колоссальнымъ трудомъ, который былъ затраченъ первымъ Сибирскимъ картографомъ, Ремезовымъ, на составленіе его „Чертежной книги Сибири“. Мы просмотрѣли лишь ничтожную часть того картографическаго матеріала, который былъ имъ собранъ, и по этой части читатель можетъ составить себѣ представленіе о всемъ цѣломъ.

Если наша работа можетъ пригодиться въ какомъ либо отношеніи для лицъ, интересующихся исторіей Иркутской губерніи, то цѣль этой работы будетъ достигнута.

И. И. Серебренниковъ.

Иркутскъ.
26 января, 1913 года.

---

*) Извѣстно мѣсторожденіе желѣзной руды близъ улуса Кяхтинскаго (Нельхайскаго вѣдомства), по лѣвому берегу р. Ангары. (См. матеріалы по изслѣдованію с.-хоз. быта населенія Ирк. губ., вып. I стр. 60). Въ Евсѣевской волости есть поселеніе Рудникъ. Не могу не сообщить здѣсь слѣдующаго: лѣтомъ 1912 г. мнѣ пришлось быть на ангарскомъ островѣ, противъ с. Евсѣева. Гуляя по берегу острова, я обратилъ вниманіе на множество какихъ-то шлаковъ, затертыхъ въ верхнемъ покровѣ земли, и выразилъ по этому поводу изумленіе. Въ отвѣтъ на это мои спутники, мѣстные жители старожилы, сообщили мнѣ:здѣсь добывали какую-то руду; давно: никто не помнитъ *когда*; на острову есть много ямъ. Ямы эти дѣйствительно были мною отысканы. Онѣ заросли уже лѣсомъ. У Фишера на стр. 542 читаемъ: «по разнымъ мѣстамъ находились желѣзные рудники, кои *Бологаны* изъ давнихъ временъ хорошо въ пользу употреблять умѣли. Для сей причины въ 1655 г. посланы были изъ Енисейска въ Балаганскъ плавильщикъ и кузнецъ, кои свою работу съ добрымъ успѣхомъ *производили*».

Изъ воспоминаній моей Канской ссылки.

На этотъ разъ я коснусь событій, которыя врѣзались въ мою память, когда я былъ въ ссылкѣ въ городѣ Канскѣ и его округѣ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Канскій острогъ построенъ въ 1626 г. первыми казаками завоевателями, обратившійся впослѣдствіи въ городокъ, лежитъ въ долинѣ рѣки Кана, на правомъ берегу, подъ 56° с. ш. Городъ этотъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія представлялъ изъ себя грязную большую сибирскую деревню и отличался отъ нея развѣ только тѣмъ, что имѣлъ окружное полицейское управленіе, окружный судъ, почтовую контору, острогъ, базаръ, нѣсколько винныхъ складовъ и нѣсколько купцовъ изъ мѣщанъ.

Купцы канскіе обычно по вечерамъ, послѣ трудовъ праведныхъ, играли по маленькой въ «генеральскую» и по маленькой же выпивали отечественной и закусывали приличной купеческому званію «разной всячиной», начиная отъ сердитаго лука и кончая паюсной икрой.

Женское сословіе при этомъ устраивалось по угламъ и занималось соотвѣтствующими ихъ положенію сплетнями и несло «рядовую рюмку» со своими «почтенными» супругами по части выпивки.

Эти вечера иногда посѣщалъ исправникъ и полицейскій надзиратель.

Мѣщане старожилы, потомки первыхъ выходцевъ изъ Россіи, занимались почти всѣ земледѣліемъ, перевозкой купеческихъ тяжестей и пассажировъ, ѣхавшихъ не на почтовыхъ.

Исправника и всякое начальство жители Канска наружно уважали: въ душѣ же всегда ненавидѣли. То и дѣло можно было услыхать:

—Вишь, взяточникъ-то какъ *разжирѣлъ*,—что въ ширину, то и въ толщину одинаковъ.

Или-же:

—Какъ ни рветъ, а все *худой*, какъ спичка.

Исправники въ это время, дѣйствительно, рвали; ходили слухи, что, будто, съ каждаго волостного писаря они брали «большую толику», иногда до 50 р. въ мѣсяцъ, такъ что исправникъ въ казенномъ жалованіи не нуждался. Всѣхъ писарей было 6; значитъ, исправнику отъ нихъ перепадало въ среднемъ 200—300 рублей ежемѣсячно. Неисправные плательщики обыкновенно экстренно вызывались по дѣламъ службы и недоимка пополнялась.

Не обижалось и другое начальство, пониже рангомъ и чиномъ; такъ, напримѣръ, на полицейское управленіе каждый писарь платилъ 15—20 р. въ мѣсяцъ, земскому засѣдателю 15 р.

Само собою понятно, что писаря «валили» не изъ своего кармана. Кромѣ «писарскихъ», у полиціи были и особые, «обывательскіе», доходы. Недаромъ частенько благонамѣренные канскіе граждане довольно энергично отзывались о своемъ начальствѣ:

— Подлецы, взяточники! Нами живутъ да надъ нами же и куражатся. Если мало дашь, такъ еще по мордѣ бьютъ; а побольше, такъ, того и гляди, чаемъ напоятъ.

На этомъ обывательская неблагонадежность обычно и обрывалась, поэтому начальство по части взятокъ всегда было спокойно. Оно только не совсѣмъ благосклонно, хотя вѣжливо, относилось къ повстанцамъ 1863 года и 2-мъ государственнымъ ссыльнымъ.

Въ числѣ повстанцевъ жили въ Канскѣ нѣсколько поляковъ изъ Варшавы, литовцевъ и случайно попавшихъ бѣлоруссовъ православнаго вѣроисповѣданія; впрочемъ, въ глазахъ обывателя и начальства бѣлоруссы сходили также за поляковъ и бунтовщиковъ. Въ числѣ бѣлоруссовъ были старикъ П. В. Ярмоловичъи Голынцевъ, которые учились въ Минской духовной семинаріи, затѣмъ,—въ Горе-Горецкой земледѣльческой школѣ, окончили ее со званіемъ агрономовъ. Кромѣ этихъ двухъ подложныхъ поляковъ, былъ еще бывшій православный священникъ Рачковскій, котораго Ярмоловичъ зналъ въ Бѣлоруссіи значительно раньше 1863 г., но фамилія Рачковскаго была не настоящая, а вымышленная, хотя Рачковскій и значился по документамъ дворяниномъ Гродненской губерніи. Какъ онъ очутился среди повстанцевъ—останется, вѣроятно, тайной навсегда.

— Пора тебѣ, Рачковскій, показать себя по настоящему,— нерѣдко говорилъ Ярмоловичъ,— надѣть поповскую ризу и служить обѣдню. Вѣдь ты развѣ не помнишь, какъ мы съ тобой вмѣстѣ учились въ семинаріи; забылъ что ли, какъ я тебя, плаксу, колотилъ?

Но тихій и молчаливый Рачковскій добродушно улыбался и всегда отмалчивался. Видно было, что слова Ярмоловича производили на Рачковскаго тяжелое впечатлѣніе. Онъ садился на стулъ, свѣсивъ голову, и глубоко задумывался, грусть и печаль невольно отражались на его блѣдномъ лицѣ.

Чуткій Ярмоловичъ замѣчалъ, что онъ своими намеками причинялъ сильныя душевныя терзанія Рачковскому, потомъ старался ободрить его и вывести изъ раздумья:

—Не вѣсь головы, не печаль хозяина, выпьемъ, старый товарищъ!

И Рачковскій тогда вмѣсто одной рюмки выпивалъ двѣ заразъ.

—Знаете, Михаилъ Павловичъ,—говорилъ мнѣ Ярмоловичъ тихонько,— вѣдь это не Рачковскій, а православный священникъ, имя то у него не свое, а одного товарища, убитаго въ стычкѣ съ русскими войсками. Съ его документами Рачковскій попалъ въ плѣнъ, отбылъ 6 лѣтъ каторги, а теперь живетъ здѣсь, обзавелся семьей и, должно быть, никогда не вернется на свою родину, такъ и умретъ здѣсь, въ Сибири.

Къ числу поляковъ въ Канскѣ причислялись и малороссы Кіевской губерніи, плохо говорившіе по польски или даже совсѣмъ неумѣвшіе говорить на этомъ нарѣчіи.

Всѣ повстанцы жили совершенно свободно; нѣкоторые изъ нихъ занимались ремеслами, торговлей и даже служили по полиціи: слѣдовательно, надъ ними никакого полицейскаго надзора не существовало. Собственно подъ гласнымъ надзоромъ было только двое: я и русскій французъ Потапенко, участникъ парижской коммуны въ качествѣ адъютанта генерала Домбровскаго. Благодаря повстанцамъ, и мы съ французомъ имѣли занятія: я нелегально служилъ въ Городской Управѣ, Потапенко училъ ребятишекъ. Вечеромъ, послѣ занятій, вся наша компанія по большей части собиралась у слесаря Жуковскаго, выписывавшаго «Новое время». Жуковскій жилъ на самой окраинѣ города. На собраніяхъ этихъ мы читали газету и такимъ образомъ узнавали о новостяхъ.

Послѣ чтенія между нами начинались споры и разсужденія на разныя темы. Изъ споровъ выяснялось, что всѣ эти люди потерпѣли не за освобожденіе Польши, а каждый за свою родину.

— Малороссы хотѣли „свободно“ глотать вареники и галушки,— острилъ Ярмоловичъ,—бѣлоруссы „освободить“ угнетенный бѣлорусскій народъ, поляки Царства Польскаго ратовали за возстановленіе Польши отъ моря и до моря.

— Зачѣмъ вамъ это?—спрашивали „повстанцевъ“ Ярмоловичъ и Потапенко.

— Затѣмъ, чтобы освободиться отъ москаля, иго его тяжело

— Вы,—горячо возражалъ Потапенко, хотите освободиться отъ москаля затѣмъ, чтобы потомъ нѣмецъ васъ слопалъ, а затѣмъ, не секретъ, вы хотите въ свою очередь—поработить бѣлоруссовъ и малороссовъ. И опять начнутся старыя безобразія, православныя церкви пойдутъ въ аренду евреямъ, паны станутъ ѣздить на спинахъ „быдло“ и угнетать насъ, хохловъ и бѣлоруссовъ. Оставьте это. Польшѣ наступилъ давно конецъ. Вы, панове, должны теперь сдѣлаться космополитами.

— *Коммунарами* надо добавить,—язвили поляки.—Нѣтъ, пане французе! Поляки никогда не сдѣлаются ни тѣмъ, ни другимъ, а всегда останутся поляками.

— Неправда! неправда!—возражалъ Потапенко. Въ Познани развѣ вы не онѣмечились? Вы не поборники свободы, вы эгоисты самой высшей марки. Порабощать людей подло! Вы упрекаете москалей за то, что они васъ угнетаютъ, а сами хотите то же продѣлать.

Я лично въ это время придерживался идей апостола всемірнаго разрушенія (Бакунина): понятно, былъ на сторонѣ француза и Ярмоловича. Но съ ними у меня также велись споры, потому что они находили, что пока преждевременно проповѣдывать тѣ идеи, которыми я былъ начиненъ, на томъ основаніи, что нашъ простой народъ вслѣдствіе своей неразвитости не пойметъ смысла Бакунинскихъ взглядовъ, и къ тому же не будетъ довѣрять самой проповѣдующей интеллигенціи, которая въ представленіи народномъ рисуется съ самой невыгодной стороны; всѣ эти интеллигенты—эгоисты, стяжатели, распутники и угнетатели; развѣ они могутъ располагать къ себѣ народъ.

— Съ другой стороны,—продолжали мои противники,—и самъ то русскій народъ—такой же самоуправецъ, какъ и правящіе классы, и ничѣмъ не отличается отъ земскаго засѣдателя и исправника. Онъ, если дѣлается деревенскимъ начальствомъ, то прежде всего начинаетъ водкой измѣрять правосудіе: кто больше дастъ „барашка въ бумажкѣ“, тотъ и правъ. Въ виду этого необходимо на первыхъ порахъ подпять въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ нашего мужика, а потомъ уже идти къ нему съ Бакунинымъ. Просвѣщеніемъ мужика должна заняться интеллигенція, такъ какъ больше некому. Что касается нашего духовенства, то

это забитая масса безъ идеальныхъ порывовъ, съ мелкими заботами о ребятишкахъ своихъ и чревѣ; разсчитывать на духовенство нечего.

На это я, въ качествѣ народника, всегда возражалъ французу, что онъ нашего народа не знаетъ, судить о немъ по канскимъ мѣщанамъ и сосыльно-каторжнымъ Троицкаго солеваренаго завода, куда Потапенко былъ первоначально водворенъ, и что знаніе нашего народа почерпнуто изъ французскихъ источниковъ, тѣмъ болѣе, что Потапенко и сейчасъ еще не умѣетъ говорить по русски, а, слѣдовательно, и не можетъ понять психологію русскаго народа.

—Смотрите, -говорилъ я ему, у насъ до сихъ поръ у крестьянъ сохранились родовыя общины, въ которыхъ „большакъ“ управляетъ всѣмъ хозяйствомъ, въ которомъ 20—30 чел. работниковъ. Въ такой общинѣ и имущество принадлежитъ всѣмъ, но не старому хозяину; да къ тому же, и сама природа великоросса, и вообще славянина, содержитъ въ себѣ всѣ задатки тѣхъ идей, которыхъ вы, въ качествѣ коммунара; а я въ качествѣ народника, придерживаемся. Будьте увѣрены, что если въ деревнѣ кого и поймутъ, то безусловно—Бакунина съ его опредѣленными взглядами.

Потапенко ребенкомъ былъ увезенъ въ Парижъ, окончилъ Парижскую Высшую Школу со степенью доктора философіи, участвовалъ въ коммунѣ, 1871 года, былъ арестованъ и, какъ русскій подданный, выданъ русскому правительству. Въ Россіи Потапенко судили за принадлежность къ противогосударственной организаціи и осудили къ высылкѣ въ Канскій округъ. Онъ превосходно зналъ французскій языкъ, но по русски не умѣлъ говорить и русскому языку обучался уже въ Канскѣ. Общеніе съ повстанцами дало возможность ознакомиться ему и съ польскимъ языкомъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ на смѣшанномъ французско-польско-русскомъ языкѣ; конечно, многихъ русскихъ словъ не понималъ. А говорить любилъ, иногда подъ рядъ по нѣсколько часовъ. За это Ярмоловичъ какъ то назвалъ его по пріятельски *боталомъ*.

—А что значитъ по русски ботало?

—А это значитъ колоколецъ у коровы, — совершенно серьезно пояснилъ Ярмоловичъ.

Потапенко вполнѣ удовлетворился такимъ отвѣтомъ, считая, что его похваливаютъ за умѣнье говорить по русски.

Разъ Ярмоловичъ „здорово“ подшутилъ надъ нимъ. Именно, онъ разсказалъ Потапенко, конечно, вполнѣ серьезно, что недавно секретарь полицейскаго управленія ловилъ въ грязномъ *ушатѣ*, около Канска рыбу и утонулъ, запутавшись

въ тинѣ. Исправникъ, въ это время стоявшій на берегу уша-та, бросился было спасать утопающаго, но и самъ началъ тонуть, такъ что едва—едва самъ остался живъ.

День былъ праздничный и мы всѣ собрались у повстанца К. О. Гинтовта; пришелъ и Потапенко.

Вдругъ нашъ французъ торжественно сообщаетъ о новости, переданной Ярмоловичемъ.

Раздается дружный смѣхъ.

Потапенко въ недоумѣніи.

—Что это значитъ, панове?

— А то,—отвѣчаетъ сожительница Гинтовта,—что ты „болтуша".

Когда Потапенко разъяснили, что Ярмоловичъ зло подшутилъ надъ нимъ, то онъ очень разсердился и началъ ругать своего друга „на чемъ свѣтъ стоитъ", но потомъ, успокоившись, началъ самъ смѣяться надъ собой:

—Какъ это я не могу понять, вѣдь шутникъ Ярмоловичъ мнѣ все вретъ, а я ему какъ-то вѣрю.

Случалось, если Потапенко не было между нами, мы чувствовали, что у насъ чего то недостаетъ. И его обычно ждали съ нетерпѣніемъ.

Наконецъ появляется „на огонекъ" его фигура. Прп входѣ въ прихожую, еще не снявъ верхняго платья, заявлялъ:

— Я пришелъ водку пить и колбасу ѣсть.

Хозяинъ дома обыкновенно говорилъ на это:

— Эхъ, французъ, французъ! Вы французы нѣмцевъ ненавидите, а, небось, колбасу любите; всѣ знаютъ, что колбасу выдумали нѣмцы, слѣдовательно, чтобы быть послѣдовательнымъ, колбасу не надо ѣсть.

— Неправда, неправда,—кричалъ Потапенко,—колбасу выдумали французы, а водку русскіе: поэтому я люблю то и другое.

— Русскій народъ хорошъ, а нѣмцы варвары,—какъ то сладко приговаривалъ Потапенко, наливая себѣ рюмку нашей отечественной,—нѣмцы подлецы, они кромѣ пушекъ, ничего не выдумывали.

— Позвольте мнѣ, г. французъ, не согласиться съ вами,—возражалъ Ярмоловичъ.—Нѣмцы высококультурный народъ, у нихъ развита философія, литература поэзія. Какимъ же это образомъ высококультурный народъ можетъ быть варваромъ?

— Нѣмцы воры,—возражалъ Потапенко,—у нихъ нѣтъ поэзіи, поэты—это онѣмеченные славяне, они обокрали славянскую музыку и поэзію, развѣ деревянный нѣмецъ мо-

жетъ быть поэтомъ или музыкантомъ; нѣмцы всегда были и будутъ врагами славянъ. Почему Польша погибла?—Конечно, по происканъ нѣмцевъ. Да наконецъ, кто такіе пруссаки?

— Нѣмцы,— отвѣчаетъ Ярмоловичъ.

— Неправда! Пруссакъ это онѣмеченный полабскій славянинъ.

Въ данномъ случаѣ спорить съ Потапенко было не только трудно, но и невозможно, потому что слишкомъ велика и глубока была у него ненависть къ нѣмцамъ, унизившимъ въ 1870—1 г. Францію.

Такъ жила наша ссыльная колонія въ Канскѣ въ 1879 году и проводила скучные и сѣрые дни, но не жарилась въ своемъ собственномъ соку. Очень часто многіе изъ насъ приглашались купцами и зажиточными мѣщанами на чашку чаю или на пирогъ по случаю какого либо семейнаго торжества. Ярмоловичъ и Потапенко въ гостяхъ всегда играли по маленькой въ генеральскую, а я, обыкновенно непившій и неигравшій, пробавлялся около „женскаго сословія“, пилъ чай и, какъ могъ, развлекалъ скучающихъ дамъ. Справедливость требуетъ сказать, что я, въ качествѣ дамскаго кавалера, никуда не годился и если былъ терпимъ, то только потому, что на безлюдьи и Ѳома—дворянинъ. Да не тѣмъ я и занятъ былъ...

Скоро однако въ нашей сѣренькой жизни произошло одно обстоятельство, которое всколыхнуло на время нашу тишину и „ссыльный покой“. Объ этомъ я разскажу въ слѣдующій разъ.

(Продолженіе будетъ).

М. Овчинниковъ.

Пожаръ Иркутскій въ 1879 году и его предшественники.

Со времени основанія города въ Иркутскѣ не было большихъ пожаровъ, подобно бывшему въ 1879 году, когда онъ принялъ форму стихійнаго бѣдствія, уничтоживъ лучшую и благоустроенную часть города, заключавшую въ себѣ 75 кварталовъ и лишивъ имущества и пристанища пятнадцать тысячъ человѣкъ

Изъ лѣтописи Пежемскаго, въ которой собраны историческія данныя съ первыхъ дней жизни города до 1856 года, видно, что хотя прежде пожары и бывали, но большихъ размѣровъ не принимали и въ большинствѣ случаевъ имѣли чисто случайный характеръ, напр., отъ неосторожности съ огнемъ, неисправности печей, отъ молніи и т. п. Случалось, сгорало домовъ шесть—десять, а большею частью горѣли сараи, кузницы, службы.

Съ постояннымъ ростомъ города и увеличеніемъ населенія стало увеличиваться и число пожаровъ, но они все же были «рѣдкостью» для жителей. Какъ примѣръ, могу указать, что въ 1864 году было только два пожара съ убыткомъ на 2525 рублей. Только съ семидесятыхъ годовъ, когда въ городѣ стало проживать много пришлаго элемента, начались довольно частые и крупные пожары, закончившіеся, наконецъ, уничтоженіемъ почти всего города.

Въ эти годы иркутянамъ пришлось познакомиться съ пожарными безпокойствами и терпѣть отъ нихъ ощутительные убытки. Изъ случайныхъ пожаровъ, отмѣченныхъ періодическою печатью и оставшихся въ памяти старожиловъ, можно указать на слѣдующіе.

Пожаръ въ ночь съ 5 на 6 мая 1873 года по Трапезниковской улицѣ, когда загорѣлся магазинъ Вакориныхъ, отъ отъ него вспыхнулъ жилой домъ этого же хозяина, а затѣмъ стоявшій рядомъ желѣзный магазинъ Пермикина и домъ купчихи Поротовой (теперь на этомъ мѣстѣ домъ Сукачева и женская гимназія). Сильный огонь, охватившій рядъ домовъ со службами, при значительномъ вѣтрѣ, имѣлъ направленіе къ

собору, и стоило большихъ усилій не дать огню распространиться далѣе. Деревянный домъ рядомъ съ гауптвахтою (теперь городская библіотека) загорался пять разъ, но пожаръ энергично тушили, такъ какъ боялись, чтобы не вспыхнули находившіеся за нимъ склады спирта Попова и Лейбовича (гдѣ теперь горное училище). Съ другой стороны пожаръ угрожалъ складу жирныхъ и спиртуозныхъ веществъ аптеки Домбровскаго (уголъ Тихвинской и Мало-Трапезниковской). Къ тремъ часамъ утра пожаръ началъ стихать. Домохозяева и торгующіе понесли убытку болѣе, чѣмъ на сто тысячъ рублей. Это первый пожаръ, причинившій такой убытокъ иркутянамъ.

9 мая 1876 года, въ 2 часа дня, загорѣлся сѣновалъ при домѣ купца Лейбовича на углу Тихвинской и Харинской улицъ и отъ него два сосѣднихъ сѣновала. Усилія пожарныхъ были направлены къ тому, чтобы не допустить взрыва въ складѣ, гдѣ хранились 256 бочекъ спирта, что и было выполнено съ большою трудностью; такъ, обожжены лошади, войлочные щиты, а паруса, закрывавшіе входъ въ складъ, сгорѣли. Огонь пошелъ по направленію къ Мелочному базару и скоро вспыхнулъ домъ Скрябиной и каменный домъ Лаврентьева (теперь домъ П. В. Собокарева), въ верху котораго помѣщалось отдѣленіе Сибирскаго Банка, а внизу были торговые ряды. Всего сгорѣло пятнадцать капитальныхъ построекъ съ убыткомъ въ сто семьдесятъ тысячъ рублей. Во время пожара три пожарныя городскія части располагали только 15 бочками и 48 пожарными. Большую помощь въ тушеніи пожара оказали братья Трапезниковы.

На завтра, 10 мая, было нѣсколько пожаровъ и одинъ довольно большой, именно въ домѣ Серебренникова на Харламіевской улицѣ, гдѣ сгорѣли всѣ службы.

Жители города встревожились двухдневными пожарами, такъ какъ въ народѣ шелъ слухъ, что будутъ поджоги еще, но лѣто прошло благополучно; возникавшіе пожары были своевременно прекращаемы.

22 апрѣля 1877 года, въ 3 часа дня, загорѣлся сѣновалъ въ домѣ В. Терентьевой на Амурской улицѣ, а отъ него огонь перебросило на смежные дома Л. Терентьевой, купцовъ Сибиряковыхъ, Малыхъ, Лычаговыхъ, мѣщ. Шушарина. Опустошенъ почти цѣлый кварталъ между Большой—Арсенальской, 1-й Солдатской—Амурской, сгорѣло 14 жилыхъ зданій съ пристройками и службами. Убытокъ 110.270 рублей. На этомъ пожарѣ первый разъ дѣйствовала ручная машина, пожертвованная купцомъ Сибиряковымъ. Паровая

машина не дѣйствовала вслѣдствіе того, что не было поблизости достаточнаго резервуара воды.

Пожарные, солдаты губернскаго баталіона и жители города принимали самое дѣятельное участіе въ тушеніи пожара, который, если и не принялъ еще большихъ размѣровъ, то только благодаря ихъ напряженному труду и тихой погодѣ.

Съ начала апрѣля случались пожары почти ежедневно; говорили, что идутъ поджоги. Слухи эти сильно энервировали обывателей, тѣмъ болѣе, что пожары были на лицо.

23, 24, 25 апрѣля тоже были небольшіе пожары.

26 апрѣля было созвано экстренное засѣданіе думы по поводу ежедневныхъ пожаровъ, но вслѣдствіе всеобщаго волненія и паники никто хладнокровно разсуждать не могъ. Постановили возобновить испорченныя пожарныя принадлежности, выразить признательность думы купцамъ Трапезниковымъ за ихъ въ высшей степени полезную помощь при пожарахъ. Собрано было между гласными 700 рублей въ вознагражденіе нижнихъ чиновъ войскъ и полиціи. Говорили объ усиленіи надзора, о подесяточномъ караулѣ, но тревога въ части разогнала гласныхъ и засѣданіе не имѣло никакихъ практическихъ результатовъ. Поэтому сами домохозяева въ видахъ самообороны, учредили въ своихъ домахъ ночной караулъ, и поджоги стали прекращаться. Лѣто закончилось благополучно. Зато въ слѣдующемъ 1878 году пожары начались съ марта мѣсяца и въ городѣ распространились слухи, что были находимы наклеенными на столбахъ и подброшены полиціи записки, грозившія сжечь весь городъ.

17 марта въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ опроверженіе слуховъ о поджогахъ была помѣщена «Этнографическая замѣтка» слѣдующаго содержанія:

«Въ каждомъ провинціальномъ городѣ существуетъ особаго рода устная гласность: досужіе люди употребляютъ свое свободное время (т. е. почти цѣлые сутки) собственно на разносъ по городу разныхъ слуховъ, сплетенъ, и чѣмъ эти слухи сенсаціоннѣе, чѣмъ болѣе волненія могутъ они произвести въ средѣ публики (особенно дамской), тѣмъ болѣе усердно они разносятся. Неосторожно сказанное слово, простое и даже легкомысленное неосновательное предположеніе подхватывается вѣстовщиками и идетъ изъ однихъ досужихъ устъ въ другія, идетъ быстро, благо досужихъ устъ водится немало. Точно снѣжный комокъ, который катятъ ребята-шалуны по снѣжному полю, съ каждой минутой дѣлается больше и больше и превращается чуть не въ снѣжную гору: такъ разростается и нелѣпый слухъ, благодаря досужимъ вѣстов-

щикамъ и легковѣрнымъ трусливымъ людямъ. То же совершается и у насъ въ Иркутскѣ: досужіе вѣстовщики пустили нелѣпый слухъ о какихъ-то анонимныхъ запискахъ, наклеенныхъ на столбахъ и подброшенныхъ мѣстной полиціи, обѣщающихъ поджоги въ городѣ. Встревоженные этимъ слухомъ, мы обращаемся къ полиціи: правда-ли? Нѣтъ, говорятъ, ни на столбахъ не наклеивали никакихъ анонимныхъ писемъ, ни подбрасывали въ полицію. Мы въ недоумѣніи: откуда же взялся слухъ? А вѣстовщики съ таинственнымъ видомъ горячатся, съ нахмуреннымъ лицомъ, ужасающимъ шепотомъ разсказываютъ свою нелѣпую басню; толпа имъ вѣритъ и никто изъ этихъ легковѣрныхъ людей не потрудится провѣрить сообщенія господъ досужихъ болтуновъ, которымъ нѣтъ дѣла до того, что ихъ глупой выдумкой нарушено общественное спокойствіе въ городѣ, лишило сна и здоровья многихъ мнительныхъ людей. То же вѣдь было и въ прошломъ году: кричали о подложныхъ письмахъ, поджогахъ, между тѣмъ особая комиссія, назначенная для разслѣдованія пожаровъ, бывшихъ весною въ Иркутскѣ, нашла, что слухи о поджогахъ не заслуживаютъ никакого вѣроятія, что большая часть пожаровъ происходила или отъ неудовлетвореннаго устройства печей, или отъ неосторожности самихъ домохозяевъ и ихъ прислуги. Недостаточно было жителямъ и этого доказательства, они еще продолжали вѣрить нелѣпымъ слухамъ и волноваться. Очень жаль, что за неимѣніемъ настоящей умственной жизни мы живемъ только сплетнями, да слухами съ сильнымъ, возбуждающимъ волненіе характеромъ. Самый лучшій совѣтъ, который мы рѣшаемся дать иркутянамъ, — зло осмѣивать вралей, когда они съ таинственно-ужаснымъ видомъ начнутъ шептать о подложныхъ письмахъ и поджогахъ».

Но эта «Этнографическая замѣтка» не произвела должнаго успокоенія между жителями, такъ какъ они сознавали, что пожары 5 мая 1873 г., 9 мая 1876 г. и главнымъ образомъ 22 апрѣля 1877 года только по чисто случайнымъ причинамъ не приняли грандіознаго размѣра, когда могъ выгорѣть весь городъ; разсчитывать же и впредь на счастливые исходы пожаровъ, «на авось», неразумно и лучше быть готовымъ къ роковому исходу, который почему то всѣ инстинктивно предчувствовали, опасаясь за участь своего имущества.

20 марта по городу было распубликовано для всеобщаго свѣдомленія слѣдующее постановленіе генералъ-губернатора:

«Въ виду безпрерывно повторяющихся случаевъ пожаровъ въ городѣ, которые, хотя при успѣшности дѣйствій пожарной команды, и ограничиваются въ большей части случаевъ незначительными потерями, но, производя тревогу и безпокойство въ жителяхъ, даютъ основанія къ самымъ прискорбнымъ предположеніямъ; обративъ серьезное вниманіе въ самомъ еще началѣ появленія въ городѣ пожаровъ, я въ то же время дѣлалъ кому слѣдуетъ нужныя по сему указанія и требовалъ особой дѣятельности и бдительности со стороны полиціи. Но какъ случаи сіи въ послѣднее время начали вновь и часто повторяться, то симъ постановляю и строго предписываю къ исполненію слѣдующее:

1. Подчинить каждую изъ трехъ частей города, согласно полицейскаго раіона, особому лицу при помощникѣ для надзора и самостоятельнаго распоряженія въ отношеніи принятія всѣхъ тѣхъ особыхъ мѣропріятій, которыя будутъ лично указаны. Начальниками отдѣловъ назначаются: 1-й части города полковникъ Линденбаумъ, помощникомъ его маіоръ Генгроссъ: 2-й части города подполковникъ Козинъ, помощникомъ его есаулъ Кузмицкій; 3-й части города полковникъ Сергѣевскій, помощникомъ его штабъ-ротмистръ Яненко.

2. Въ распоряженіе сихъ лицъ наряжать ежедневно (до особаго приказанія), по распоряженію губернскаго воинскаго начальника, дневные и ночные патрули изъ квартирующихъ въ городѣ частей войскъ по 50 чел. нижнихъ чиновъ, при 4-хъ унтеръ-офицерахъ, а также по одному урядинку и по 4 казака.

3. Предписывается начальникамъ отдѣловъ города приказать задерживать всѣхъ тѣхъ лицъ какъ днемъ, такъ и ночью, которыя по какимъ либо причинамъ могутъ возбудить къ себѣ недовѣріе или не оправдаютъ свое присутствіе, хотя бы случайное, на дворахъ и вообще въ чужихъ владѣніяхъ, что возлагаю на обязанность и самихъ домохозяевъ подъ строгою отвѣтственностью въ недосмотрѣ за симъ. Таковыхъ задержанныхъ лицъ немедленно арестовать и производить о нихъ строгія дознанія, не освобождая безъ личнаго моего разрѣшенія.

4. Собрать чрезъ полицію и домовладѣльцевъ точныя свѣдѣнія о всѣхъ неблагонадежныхъ и подозрительныхъ личностяхъ какъ постояннаго, такъ и временнаго населенія города, представя мнѣ о нихъ на распоряженіе.

5. Объявить чрезъ домовладѣльцевъ и хозяевъ различныхъ рабочихъ артелей и мастерскихъ всему низшему населенію города, чтобы безъ вѣдома своихъ хозяевъ не смѣли отлу-

чаться изъ дому, а тѣмъ болѣе безъ дѣйствительной на то надобности. Ослушниковъ отправлять въ полицію.

6. Обратить особое вниманіе на неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій, донося мнѣ особо о нихъ.

7. Строго смотрѣть и возбранять, чтобы въ сараяхъ, сѣновалахъ, около складовъ дровъ и вообще нежилыхъ помѣщеніяхъ, не допускалось спанья прислуги и праздное сидѣніе ея, куреніе папирось, сигаръ и трубокъ, а равно и игры дѣтей.

8. Съ объявленія сего, куреніе табаку, въ какомъ бы видѣ не было, на дворахъ, въ службахъ и на улицахъ города, хотя бы въ экипажахъ, строго всѣмъ безъ изъятія воспрещается. Виновныхъ низшаго края задерживать, а привилегированнаго сословія останавливать и узнавать о личности ихъ, донося мнѣ.

9. Полиціймейстеру учредить по городу постоянный, днемъ и ночью, полицейскій надзоръ чрезъ хожалыхъ, давъ имъ нужныя указанія, какъ равно обязать самихъ полицейскихъ чиновниковъ, въ очередь, чтобы во всякое время и въ разныхъ мѣстахъ города полиція находилась на лицо.

10. Учредить дежурство дворниковъ, по очереди, днемъ и ночью, по одному на каждые три большіе дома (не менѣе, какъ въ 4 окна съ наружнаго фасада) и на каждые пять домовъ меньшаго размѣра; гдѣ же нѣтъ дворниковъ, таковыхъ нанять.

11. Гг. начальникамъ отдѣловъ и полиціймейстеру города лично повѣрять строгое исполненіе всѣми подлежащими лицами всего вышеизложеннаго и

12. Виновные въ неисполненіи предписываемаго будутъ подвергаемы, по всей силѣ закона, строгой отвѣтственности.

Настоящее постановленіе мое сообщить кому слѣдуетъ и объявить для всеобщаго свѣдѣнія. Генералъ-Губернаторъ и командующій войсками Восточно-Сибирскаго военнаго округа, Генералъ-Адъютантъ Баронъ Фредериксъ.

Пожары однако продолжались ежедневно, населеніе города волновалось.

28 марта генералъ-губернатору представлялась депутація отъ Иркутскаго городского общества, чтобы благодарить его за принятыя имъ особыя мѣры для предохраненія города отъ пожаровъ и спокойствія жителей, напуганныхъ въ послѣднее время, хотя и незначительными случаями пожаровъ, но тѣмъ не менѣе часто повторявшимися. Депутація заявила, что общество ассигновало полторы тысячи рублей въ награду за разслѣдованіе этихъ случайностей и тысячу рублей

въ распоряженіе г. начальника губерніи на сыскную часть. Сверхъ того, учреждена особая комиссія для обсужденія вопроса о доставкѣ большаго количества воды къ мѣстамъ пожаровъ, для чего управа уже единовременно и заподрядила частныхъ водовозовъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ былъ 21 пожаръ, главнымъ образомъ горѣли сѣновалы. Изъ этого числа семь пожаровъ было открытыхъ, въ 14 случаяхъ хозяева тушили сами до прибытія пожарныхъ.

Въ апрѣлѣ было 9 пожаровъ, изъ нихъ большой 8 числа, въ 3 часа дня, когда при довольно сильномъ вѣтрѣ вспыхнуло на 5 Солдатской улицѣ внутри дворовъ Кузнецова, Москвитина, Левина и Петелина. Сгорѣло всего восемь зданій, въ томъ числѣ четыре жилыхъ дома.

Въ маѣ пожаровъ было немного.

Въ концѣ іюня ген.-губернаторъ, въ виду установившагося въ городѣ спокойствія и порядка, за прекращеніемъ пожаровъ, отмѣнилъ распоряженіе отъ 19 марта, вызванное особыми обстоятельствами.

Жители, напуганные бывшими пожарами, сами караулили свои дома и лѣто кончилось благополучно.

Наступилъ 1879 годъ, оставившій по себѣ грустную память иркутянамъ. Иркутскъ того времени почти сплошь состоялъ изъ деревянныхъ построекъ. Каменныхъ домовъ на Большой улицѣ было около десятка, да нѣсколько у Мелочного базара на Тихвинской площади и еще на нѣкоторыхъ улицахъ города; въ общемъ, очень немного; въ кварталахъ между Большой и Кутайсовской улицъ, кромѣ еврейской синагоги, каменныхъ построекъ не было.

Съ апрѣля мѣсяца въ городѣ начались пожары, но жители, напуганные примѣромъ прошлаго года, захватывали ихъ въ началѣ возникновенія и открытыхъ пожаровъ было немного.

4 мая жителямъ оповѣщено слѣдующее объявленіе: „Городской Голова покорнѣйше проситъ жителей города, имѣющихъ лошадей и бочки, а также водовозовъ доставлять воду на пожары. За каждую бочку воды, доставленную на мѣсто пожара, будетъ выдаваться марка въ пятьдесятъ коп. за сороковую бочку и въ тридцать за боченокъ или полубоченокъ. Марки можно получать отъ членовъ Городской Управы присутствующихъ на пожарѣ, а обмѣнъ ихъ на деньги будетъ дѣлаться въ Городской Управѣ на другой день“.

28 апрѣля по Арсенальской улицѣ, въ домѣ Афанасьева, горѣла крыша и попорчена внутренность второго этажа;

причина—неосторожное обращеніе съ огнемъ, убытку 1500 рублей.

30 апрѣля по Мыльниковской ул. въ д. Мыльникова сгорѣли сѣновалъ, амбаръ, стайки и пр. отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ.

15 мая на Ланинской улицѣ (на горѣ) въ домѣ Рѣчкина сгорѣли сарай, домъ, навѣсы съ сѣномъ отъ неосторожности 6-лѣтняго мальчика.

11 іюня, въ 5 часовъ вечера, въ Глазковскомъ предмѣстьѣ въ домѣ мѣщ. Могилева вспыхнулъ сѣновалъ и вслѣдствіе бывшаго вѣтра огонь быстро охватилъ всѣ надворныя постройки и жилой домъ и перешелъ на сосѣдній домъ мѣщанина Свинина. Дальнѣйшее распространеніе огня было остановлено; причина пожара—неосторожность.

Въ скорбный день, 22 іюня, стояла невыносимая палящая жара и былъ небольшой вѣтеръ. Въ три часа дня въ Глазковскомъ предмѣстьѣ вспыхнули надворныя постройки и домъ причта Глазковской церкви; туда уѣхали двѣ части и обозъ управы. Жители города съ безпокойствомъ посматривали на дымъ надъ Глазковой... И „оглянуться не успѣли“, какъ въ пять часовъ вечера выбросило черный столбъ дыма на Баснинской улицѣ у Мелочного базара. Загорѣлись надворныя постройки во дворѣ купчихи Останиной; прибывшая на пожаръ 2-я часть ничего не могла сдѣлать для локализаціи огня. Когда же изъ Глазковой прибыли пожарныя части, то огонь стремительно шелъ по направленію вѣтра къ Медвѣдниковской улицѣ Густые клубы чернаго дыма все увеличивались и увеличивались, плавно расходясь въ стороны. Видно было, что пожаръ принимаетъ большіе размѣры. Летавшіе бѣлые голуби на черномъ фонѣ, образуемомъ дымомъ, казались платками, падающими съ неба. Близъ Мелочного базара и по улицамъ, смежнымъ съ пожаромъ, была такая суматоха, которую трудно себѣ представить. Публика съ ужасомъ смотрѣла, какъ пламя, образуя огненный сводъ, чрезъ Трапезниковскую улицу, большими языками лизало дома лѣвой стороны. Въ воздухѣ стоялъ невообразимый гулъ отъ треска горѣвшихъ зданій, разборки смежныхъ заплотовъ и строеній. Огонь быстро перебрасывало по направленію къ Медвѣдниковской, Харинской, Дворянской улицамъ, въ сторону берега и по направленію къ Ланинской улицѣ. Жители Владимирскаго прихода бросали свои дома, увозя имущество на берегъ Ушаковки. Смотря на это смятеніе, можно было подумать, что идетъ свирѣпый непріятель, отъ котораго спасаются, кто какъ можетъ.

Тяжелое впечатлѣніе оставляло это поспѣшное бѣгство, связанное съ крикомъ людей, плачемъ дѣтей, ржаніемъ испуганныхъ лошадей и мычаніемъ коровъ, уводимыхъ изъ домовъ... Казаки скакали во всѣ концы, развозя приказаніе жителямъ сосѣднихъ кварталовъ, чтобы они немедленно выбирались.

Въ 6 часовъ во Владимирской церкви начался звонъ на всенощную по случаю наступающаго престольнаго праздника. Церковное имущество (утварь, иконы, облаченія, свѣчи, масло, мебель и т. д.) спѣшно укладывалось, увозилось въ Чудотворскую церковь и тамъ слаживалось въ подвальный этажъ. Къ концу всенощной горѣло три квартала, по воздуху надъ церковью неслись тучи дыма, на темномъ фонѣ его ярко выдѣлялся золотой крестъ, вѣнчающій куполъ. Прихожане крестились и со слезами торопились уйти изъ мѣста, обреченнаго огню. Первый разъ со времени основанія церкви священникъ служилъ въ отсутствіе молящихся.

На углу Ланинской и Медвѣдниковской улицъ находились большія зданія юнкерскаго училища и военно-аптечные склады, изъ которыхъ 7—8 зданій было каменныхъ. Начальство предполагало, при помощи пришедшихъ изъ лагерей солдатъ, задержать здѣсь огонь, но съ шедшей стѣной огня ничтожны были усилія людей: зданія эти загорѣлись, дали большое пламя и зажгли противоположную сторону Ланинской улицы.

Кончить богослуженіе во Владимирской церкви не пришлось, такъ какъ огненное пламя достигло ея вилотную и въ окнахъ начали лопаться стекла.

Пожарище постепенно расходилось во всѣ стороны, огонь крутило какъ бы вихремъ, бросало съ одного мѣста на другое. Адская жара въ улицахъ положительно не позволяла никакого подвоза воды для машинъ, да и что могли сдѣлать эти плохенькія машины, въ числѣ пяти, съ разбушевавшейся стихіей... Всѣ усилія брандмейстера Верле отстоять Владимирскую церковь послѣ того, какъ все, ее окружающее, пылало, оказались напрасными. Когда сгорѣли стропила, державшійся большой колоколъ оборвался, пробивъ своею тяжестью два каменныхъ свода; упалъ онъ ребромъ на плиты паперти, раздробилъ ихъ на 8 вершковъ, а самъ остался цѣлъ. Огонь шелъ на каоедральный соборъ и архіерейскій домъ: тамъ ударили въ призывный звонъ. Во дворѣ Духовнаго училища загорѣлись надворныя постройки, но удалось отстоять остальныя зданія. Къ старой Тихвинской площади огонь дошелъ до задовъ Католическаго костела и Промышленнаго училища. Всего было охвачено огнемъ четырнадцать

кварталовъ; больше по направленію вѣтра (къ Ушаковкѣ) горѣть было нечему, а на завѣтренной сторонѣ въ предотвращеніе распространенія огня все было разломано. Всю ночь горѣли эти 14 кварталовъ; большое алое зарево зловѣще освѣщало остальную часть города. Три тысячи жителей лишились крова, помѣстившись временно въ Спасскомъ саду, на берегу Ушаковки, или уѣхавъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ въ несгорѣвшую часть города.

Всю ночь городъ былъ на ногахъ близъ пожарища; тяжелое предчувствіе угнетало многихъ...

Къ утру 23-го большое пространство тлѣло и дымилось; удушливый запахъ разносился по городу. Этимъ первымъ пожаромъ уничтожено 190 дворовъ, 116 хозяевъ, съ 813 различными строеніями.

Для поданія помощи погорѣльцамъ Городская Дума 23-го іюня разрѣшила немедленную раздачу 3000 руб. и постановила просить разрѣшенія на выдачу изъ Медвѣдниковскаго Банка 25000 руб. находящихся въ вѣдѣніи городского общества также для раздачи въ помощь безвозвратно и затѣмъ открыть подписку въ городѣ для вспомоществованія погорѣвшимъ.

24 іюня былъ жаркій день, солнце пекло страшно, но его не было видно за облаками поднявшейся надъ городомъ пыли, засыпавшей глаза, потому что восточный сильный вѣтеръ порывами дулъ съ утра: нѣтъ—нѣтъ да и хватитъ ураганомъ...

Не успѣло еще пострадавшее отъ пожара 22 іюня населеніе найти себѣ помѣщеній, еще бивакировало за Ангарой и на площадяхъ, еще старое пожарище тлѣло заливалось, какъ разразилась новая бѣда.

Былъ воскресный день, на базарѣ и въ магазинахъ шла оживленная торговля.

Въ 12 часовъ дня раздался крикъ:

—Пожаръ, пожаръ!

Все переполошилось, потому новое извѣстіе о пожарѣ, послѣ бывшаго третьяго дня, навело на всѣхъ панику. На базарѣ всѣ начали закрывать лавки, а пріѣхавшіе на рынокъ крестьяне, въ безпорядкѣ, старались поскорѣе убраться изъ города.

Загорѣлось на постояломъ дворѣ въ д. Закатина по Котельниковской улицѣ, черные клубы дыма одинъ за другимъ подымались ввысь. Трудно представить себѣ весь переполохъ обывателей, увидѣвшихъ такой большой пожаръ, пламя котораго, подхваченное порывомъ вѣтра, раздувало то чрезъ улицу, то по направленію вѣтра къ Большой улицѣ...

Кругомъ загорѣвшагося дома были старые деревянные дома, которые представляли собою хорошую пищу для огня и зажгли новый двухэтажный домъ, занимаемый военно-топографическимъ отдѣломъ. Пламя быстро перекинулось на дома, выходящіе на Большую улицу и чрезъ полчаса въ огнѣ было уже два квартала. Каменные дома Большой улицы: Аксенова (магазинъ Мануфактурнаго Т-ва), Котельникова, Катышевцева (маг. Кальмеера), Зазубрина (домъ Пріюта), Трапезникова (Медвѣдниковскій банкъ), Мальмберга (Жарникова) и Тихомирова (Швеца) вспыхнули почти разомъ, отъ нихъ огонь, подгоняемый вѣтромъ, быстро шелъ далѣе.

Кварталы между Большой и Арсенальской улицами, большею частью деревянные, вспыхивали тоже съ необыкновенной скоростью одинъ за другимъ, жители въ ужасѣ бѣжали къ Ангарѣ и на кладбище. Домохозяева завѣтряной стороны, т. е. дальше Арсенальской улицы, оставляли дома, укладывались, перехватывая на перебой другъ у друга крестьянскія телѣги и всякіе проѣзжающіе порожнякомъ экипажи, платя по 10—20 руб. за возъ, и выѣзжали за городъ: неимѣвшіе подводъ тащились въ Интендантскій садъ, на площади Успенскую и Преображенскую. Огненное море разливалось во всѣ стороны. Около Хлѣбнаго базара домъ Михайлова на 12 саженяхъ, какъ и прочіе окружавшія его постройки, горѣли такъ сильно, что всѣ лавки на площади были оставлены владѣльцами ихъ на произволъ судьбы.

На Мелочномъ базарѣ каменные дома Чупалова, оптовая Второва, Герасимова (маг. быв. Стахѣева), Нѣмчинова (тогда только строился) и Трапезникова (Сукачева) скоро же вспыхнули.

Черезъ три часа отъ начала пожара вся центральная часть города между Арсенальской улицей и Тихвинской площадью (съ востока на западъ) и отъ церкви Благовѣщенія до 4 Солдатской и Тихвинской улицъ съ сѣвера на югъ, т. е. 12 кварталовъ представляли огненное бушующее море.

Говорятъ, что огонь шелъ главнымъ образомъ по вѣтру, зажигая дома съ крышъ. Яркой иллюстраціей страшнаго жара верхового пламени можетъ служить то обстоятельство, что главный колоколъ Благовѣщенской церкви растопился и стекъ на землю; глыба мѣди много лѣтъ лежала въ оградѣ, а потомъ была послана на заводъ для отлива новаго колокола для церкви.

Внутренность же церкви не пострадала; старинный иконостасъ главнаго придѣла сохранился до насъ со дня его устройства въ 1758 году.

Въ 6 часовъ веч. огонь дошелъ до вновь строющагося собора, у котораго начали горѣть лѣса, загорѣлись зданія Казначейства и Губернскаго правленія и отсюда огонь перешелъ на Мыльниковскую и Спасо-Литеранскую улицы. Позднѣе, вечеромъ, все вокругъ Тихвинской площади было въ огнѣ; горѣлъ Гостиный дворъ съ массою товаровъ и Мѣщанскіе торговые ряды, внизу которыхъ были лавки, а вверху помѣщался „Историческій губернскій архивъ", въ которомъ Фишеръ бралъ матеріалы изъ свитковъ для своей исторіи Сибири. Когда деревянная крыша этого зданія прогорѣла, обрушилась и вспыхнули сухія старыя дѣла, то образовался какой то громадный фейерверкъ; силою вѣтра горящія дѣла высоко неслись въ воздухѣ. Вечеромъ вѣтеръ стихъ и огонь всю ночь медленно уничтожалъ кварталы Чудотворскаго, Троицкаго и Харлампіевскаго приходовъ. Жители этой части города заблаговременно выбрались изъ своихъ домовъ и не думали ихъ отстаивать, между тѣмъ многое можно было-бы спасти.

Въ музеѣ Географическаго общества погибла въ огнѣ богатая библіотека, заключавшая въ себѣ 10227 книгъ; погибли и 22330 экземпляровъ различныхъ естественно-историческихъ, этнографическихъ и археологическихъ предметовъ, масса старыхъ дѣлъ различныхъ учрежденій Сибири, драгоцѣнныхъ свитковъ, относящихся къ царствованію Іоанна Грознаго и т. п. Тутъ же погибъ превосходный трудъ А. П. Щапова о Туруханскомъ краѣ.

Въ городской библіотекѣ сгорѣло русскихъ книгъ 1856 названій въ 3277 томахъ, иностранныхъ книгъ и журналовъ 772 названія въ 1720 томахъ, газетъ, журналовъ русскихъ 698 назв. въ 4369 т.; всего на сумму 18987 р.

Въ Губернской гимназіи сгорѣли книги бывшей 1 библіотеки города, основанной въ 1778 году Кличкой, между коими была энциклопедія Даламбера.

Сгорѣла цѣнная частная библіотека Храмцова. У г. Вагина сгорѣла рукопись Геденштрома, заключавшая въ себѣ сводъ статистическихъ свѣдѣній о Сибири 40-хъ годовъ и множество любопытныхъ подробностей о Сибирской жизни начала прошлаго столѣтія.

Въ таможнѣ сгорѣлъ архивъ таможенныхъ дѣлъ съ половины XVII вѣка. Незадолго до пожара онъ былъ привезенъ изъ Троицкосавска, приведенъ въ порядокъ и положенъ на опись—всѣхъ дѣлъ было около 40000. Какъ на примѣръ, можно указать на недопущенный огонь на кварталы между Харлампіевской улицей и Госпитальнымъ пе-

реулкомъ, что было сдѣлано подъ руководствомъ инженера Коссевича, и недопущеніе огня на Шелашниковскую улицу и на кварталы между Арсенальской и Преображенской улицей подъ руководствомъ братьевъ Трапезниковыхъ, гдѣ былъ защищенъ отъ огня домъ Поповой, чѣмъ и спасены были кварталы далѣе Арсенальской улицы.

Къ утру 25 іюня, вмѣсто лучшей части города, остались догорающія руины. мѣстность бывшихъ 60 кварталовъ была окутана удушливымъ дымомъ. За оба пожара уничтожено 75 кварталовъ, въ нихъ было 918 дворовъ съ 105 каменными и 3418 деревянными постройками по цѣнѣ 7557880 р. Уничтожены были почти всѣ общественныя и казенныя учрежденія, а также и учебныя заведенія со всѣми дѣлами и архивами.

Съ горы 3-й Солдатской улицы или съ Іерусалимской хорошо была видна сгорѣвшая мѣстность. Именно: все, граничающее нынѣ съ Кутайсовской улицей и отъ нея въ одну сторону до Шелашниковской улицы, въ другую — пересѣкая наискось кварталы 1—2 Солдатскихъ и между Харламіевской ул. и Юнкерскимъ переулкомъ по Троицкой вилоть до Дегтевской, и отъ нея по всему берегу Ангары до Московскихъ воротъ, представляло изъ себя выжженную пустыню, съ обгорѣлыми задымленными остовами церквей, каменныхъ домовъ, печей и трубъ. Какъ оазисы въ пустынѣ одиноко стояли сохранившіеся отъ огня: Богоявленскій соборъ, Домовая церковь, Духовное училище и Консисторія—въ одной каменной оградѣ; Московскія ворота, построенныя въ 1812 году, съ сохранившимся въ нихъ городскимъ архивомъ, Спасская церковь съ частью городского сада и Троицкая церковь, съ окружающей ее сосновой рощей, благодаря которой она только и уцѣлѣла, и домъ Маслова, теперь Меера, противъ почтовой конторы, спасенный хозяиномъ заблаговременно сноской крышъ и обшиваніемъ домовъ мокрой парусиной.

Берегъ Ангары былъ переполненъ погорѣльцами. Іерусалимское кладбище и гора были покрыты импровизованными шатрами изъ опрокинутыхъ телѣгъ, шкафовъ, натянутыхъ шалей, ковровъ, простынь. Ушаковка была буквально запружена жителями, большею частью бѣжавшими изъ негорѣвшей части города; тамъ расположилось болѣе 10 тысячъ.

Военная площадь за театромъ, Интендантскій, Губернаторскій и Военной гимназіи сады, разводимый садъ у церкви Преображенія—переполнились спасавшимися семействами, съ вынесеннымъ ими имуществомъ. Паника и страхъ не умень-

шились и на второй день, потому что жители продолжали вытаскиваться изъ ближайшихъ къ пожарищу оставшихся домовъ, такъ какъ вездѣ былъ говоръ, что долженъ сгорѣть весь городъ. Но больше пожаровъ не было.

Домовладѣльцами послѣ пожара получено страховыхъ премій отъ разныхъ обществъ до 5 милл. руб.

Городъ настоящаго времени отъ Кутайсовской улицы къ берегу Ангары, какъ „фениксъ изъ пепла", возрожденъ въ 33 года, конечно, въ болѣе лучшемъ видѣ, чѣмъ онъ былъ до пожарища.

Редакціи посчастливилось достать у вдовы брандмейстера Мякинниной рѣдкій снимокъ съ сгорѣвшей центральной части города. Снято было съ горы 3-ей Солдатской улицы. На рисункѣ видна граница пожарища—Арсенальская улица, а далѣе одни обгорѣвшія остовы домовъ Пахомова, Жбанова, Щелкунова и Метелева, Громовой, въ отдаленіи видны обгорѣвшія церкви Чудотворская, Тихвинская и другія каменныя зданія.

Н. Мокѣевъ.

Мелочи иркутской купеческой старины.

* * *

Встарину между сибирскими купцами было въ модѣ называть другъ друга прозвищами, а не по имени, отчеству и фамиліи. И это не считалось зазорнымъ; наоборотъ, было почетнымъ, какъ признакъ особаго вниманія къ персонѣ съ прозвищемъ. Прозвище обыкновенно называли *фамилія по улицѣ*. При первомъ знакомствѣ купцы нерѣдко называли только одно прозвище, иногда называли настоящую фамилію, но при этомъ добавляли, напр.

— А по улицѣ *Кубышка*.

Само собой понятно, что большинство прозвищъ составлено на основаніи какихъ-нибудь соотвѣтствующихъ данныхъ; только теперь трудно въ нихъ разобраться.

Вотъ нѣсколько прозвищъ иркутскихъ купцовъ второй половины прошлаго столѣтія.

Иннокентій Петровичъ *Тропинъ* носилъ кличку *Деревяннаго Апостола*, которую ему дали будто бы за его бого-

мольность. У него былъ хорошій музей съ рѣдкими старинными предметами и документами, но сгорѣлъ въ 1879 году.

Мирона Дмитріевича *Кулакова* почему-то называли *Желѣзной Просвирой.*

Также не совсѣмъ понятно прозвище Павла *Налетова— Телячій Обморокъ.*

Братья *Шушаковы* слыли подъ кличкой *Братья Разбойники.*

Николай и Василій Львовичи *Родіоновы* назывались *Самоточкиными.*

Про двухъ купцовъ Дмитрія *Гагарина* и Василія *Казарина* существовала даже своего рода поговорка: „*нѣтъ выше плутовъ, какъ Васька Гагаринъ да Митька Казаринъ*“. Разъ Д. Гагаринъ на Нижегородской ярмаркѣ набралъ въ кредитъ товару на очень крупную сумму. Товаръ былъ упакованъ и отправленъ въ Иркутскъ по „сибиркѣ“, но векселей Гагаринъ еще не подписалъ. Въ одинъ прекрасный день онъ скрылся изъ Нижняго Новгорода. Кредиторы долго ожидали его для подписи векселей; наконецъ, порѣшили навести справки въ Иркутскѣ, куда незадолго передъ тѣмъ явился бѣглецъ. Недолго думая, на запросъ кредиторовъ Гагаринъ отвѣтилъ, что иркутскій 1-й гильдіи купецъ Дмитрій Гагаринъ волею Божіею скончался тогда то, что дѣло его ликвидировано, а вырученныя суммы пошли цѣликомъ на уплату долговъ... Такъ ни копѣйки и не заплатилъ кредиторамъ.

Секретарь городской управы *Новоселовъ* (бывшій учитель чистописанія въ мужской гимназіи) имѣлъ обыкновеніе до службы «забѣгать» къ тогдашнимъ столпамъ г. Иркутска: *П. А. Сиверсу, И. С. Хаминову и Д. Д. Демидову.* Здѣсь неизмѣнно ему предлагалась выпивка съ соотвѣтствующей закуской. «Забѣгалъ» Новоселовъ къ нимъ, главнымъ образомъ, для того, чтобы разузнать у нихъ новости и потомъ «разносить» по городу. Изъ «закусокъ» часть онъ забиралъ съ тарелокъ и клалъ въ карманъ, а затѣмъ въ управѣ ими „завтракалъ“. Бывали дни, что Новоселовъ успѣвалъ „забѣжать“ ко всѣмъ тремъ столпамъ Иркутска. Въ такихъ случаяхъ онъ говорилъ:

— Сегодня былъ у *Сима, Хама* и *Іафета.*

* * *

Купецъ Василій Алекс. *Останинъ* въ Иркутскѣ пользовался большой популярностью. Про него говорили, что это „умная голова, умѣетъ нажить деньгу и обывателя не прижимаетъ“. Разсказываютъ, что онъ какъ-то на Нижегородской ярмаркѣ купилъ разныхъ товаровъ на милліонъ рублей. Когда зашла рѣчь объ уплатѣ за купленный товаръ, то

Останинъ заявилъ, что свободныхъ денегъ у него теперь нѣтъ и попросилъ въ кредитъ.

— Что же, мы ничего не имѣемъ противъ этого; васъ мы давно знаемъ, человѣкъ вы богатый и аккуратный. Но только придется съ процентиками...

— 8% годовыхъ могу вамъ дать,—предложилъ Останинъ.—Но дѣло не въ этомъ только. Годового срока для меня мало; нельзя ли кредитъ продолжить на *три* года. Въ такомъ случаѣ при окончательномъ разсчетѣ я въ качествѣ процентовъ уплачу вамъ по 24 коп. съ рубля.

Кредиторы помялись немного, но согласились. Векселя рѣшено было подписать назавтра.

На другой день Останинъ явился къ кредиторамъ. Тѣ заготовили векселя. Все было сдѣлано честь-честью.

— А, знаете ли, я передумалъ,—неожиданно заявилъ Останинъ,—хочу заплатить вамъ все сейчасъ. Пріятнѣе чувствовать себя, когда нѣтъ крупныхъ долговъ. Ну, а такъ какъ вы соглашались уступить мнѣ товаръ на три года изъ 8% годовыхъ, то я эти проценты и удерживаю за собой,—потому вы сейчасъ получаете весь капиталъ на руки, затѣмъ вы его пустите въ оборотъ и свои проценты еще съ пользой выручите.

И такимъ образомъ Останинъ вмѣсто рубля заплатилъ только 76 коп., а съ милліона рублей онъ выручилъ 240 тысячъ...

Кредиторы ничуть не возражали. Это было выгодно и для нихъ.

* * *

И. С. Хаминовъ всегда отличалъ тѣхъ приказчиковъ, которые умѣли „нажить деньгу“ не только для хозяина, но для самихъ себя. Особенно поощрялъ онъ въ „наживѣ для себя“ тѣхъ приказчиковъ, которыхъ отправлялъ съ товарами на ярмарки.

По возвращеніи съ ярмарки онъ обычно приглашалъ ярмарочнаго довѣреннаго къ себѣ, выспрашивалъ о дѣлѣ, цѣнахъ и т. п., а затѣмъ непремѣнно задавалъ вопросъ:

— Ну, а сколько себѣ нажилъ?

— Тысячи три,—иногда отвѣчалъ приказчикъ.

— Молодецъ! Изъ тебя выйдетъ потомъ человѣкъ.

И горе, если приказчикъ заявитъ:

— Нисколько!

— Мнѣ такихъ служащихъ не надо, съ этимъ умомъ далеко не уѣдешь да еще въ трубу вылетишь. Ты, братецъ, завтра же можешь получить у меня разсчетъ.

И въ такихъ случаяхъ Хаминовъ былъ неумолимъ. Приказчикъ долженъ былъ уходить.

* * *

Старую дѣву Аграфену Андреевну *Литвинцеву*, родную сестру извѣстнаго милліонера В. А. Литвинцева, обыкновенно называли *Женой Мироносицей*.

Это—два любопытныхъ типа.

Жили они вмѣстѣ и старались перещеголять другъ друга въ скупости.

„Жена Мироносица" не имѣла своей отдѣльной спальной комнаты, которую ей замѣняла „передняя". Деревянная койка; доски, прикрытыя тонкимъ войлокомъ, который когда то, но только очень давно, былъ новымъ; потрепаное одѣяло; подушка, набитая куриными перьями, отъ времени превратившаяся въ довольно твердую массу,—это ложе милліонерши.

По наслѣдству отъ матери она получила очень дорогой мѣховой салопъ съ короткими рукавами. Зимой въ соборѣ за богослуженіемъ или на торжествахъ всегда можно было видѣть Аграфену Андреевну въ этомъ салопѣ. Съ теченіемъ времени мода на салопы отошла; ихъ замѣнили ротонды. Тогда А. А. обрѣзала короткіе рукава у салопа и у нея получилась модная ротонда. Но что всего курьезнѣе здѣсь, такъ это то, что она *не зашила на своей новой ротондѣ дыръ, гдѣ были раньше рукава*. Такъ и щеголяла!

Въ лѣтнее время въ костюмѣ Агр. Андр. было много замѣчательнаго. Все старое, но передѣланное а la ротонда; кое гдѣ заплаты, кое гдѣ дырочки, въ другомъ мѣстѣ масляное пятно, тамъ грязь, недостатокъ пуговицъ... Обувью лѣтомъ служили невысокіе ботинки, изъ которыхъ постоянно торчали голыя пятки и ноги, такъ какъ чулки были все старые и сильно рваные.

Въ *престольные* праздники у Литвинцевыхъ было обыкновеніе приглашать на обѣдъ мѣстнаго архіерея.

Трапеза была всегда постная и необыкновенно скромная. Сначала предлагались соленые грибы съ хлѣбомъ, безъ масла. Дальше—тертая рѣдька съ квасомъ и, наконецъ, ржаной пирогъ съ омулями. Иногда послѣ этого бывала еще ячневая каша съ льняным масломъ. Радушная хозяйка то и дѣло угощала владыку:

— Кушайте на здоровье, ваше преосвященство; не взыщите: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!

Послѣ такого званаго обѣда Аграфена Андреевна разсказывала своимъ близкимъ знакомымъ:

— У насъ владыка то большой постникъ и подвижникъ! И чѣмъ это онъ живъ: за обѣдомъ у насъ стѣлъ одинъ только соленый рыжечикъ, ложечки двѣ хлебнулъ, рѣдечки съ квасомъда скушалъ маленькій кусочекъ омулеваго пирожка. Вотъ и все. Мы съ братомъ не обжоры какіе, ѣдимъ по немногу, а все таки на такой пищѣ долго не протянули бы. Это ужъ Богъ и святые угодники помогаютъ постнику—владыкѣ...

Чай Литвинцевы пили съ сахаромъ „въ прикуску“. Въ гостяхъ, бывало, Аграфена Андреевна оставшіеся куски сахара преспокойно клала въ свой карманъ, всегда туго набитый разнымъ хламомъ. Затѣмъ, дома за чаемъ эти куски сахара, пыльные, засаленые, она „допивала“.

— Зачѣмъ ихъ бросать, вѣдь денегъ стоятъ!

Самого *Литвинцева* иногда называли *Омулевой Пасхой*, такъ какъ онъ нерѣдко въ первый день Пасхи „разговлялся“ только омулемъ; ни о куличѣ, яйцахъ, винахъ, окорокѣ, гусѣ и т. д. не могло быть и рѣчи. Бывали случаи, что и Литвинцевы приготовляли *пасху*, но *по своему*: именно: въ пасхальное тѣсто они *запекали дюжину яицъ*, конечно, *сырыхъ*.

Говорятъ, что будто бы этотъ Литвинцевъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи подарилъ *городскую землю* устроенному имъ мужскому монастырю. Когда завѣщаніе было утверждено законной властью и монастырь былъ введенъ во владѣніе, монахи огородили „дарственную“ землю и черезъ *десятилѣтіе* сдѣлались *законными* владѣтелями чужой собственности. Потомъ городская управа разузнала это дѣло, но было уже поздно. Однако въ архивѣ Городской Управы я не видалъ этого дѣла.

* * *

Одинъ изъ доселѣ здравствующихъ иркутскихъ купцовъ въ молодости ухаживалъ за княжной Ю. А. Ланской, окончившей мѣстный институтъ. Молодой человѣкъ нравился въ домѣ Ланскихъ и здѣсь его считали „подходящимъ“ женихомъ. Но самъ онъ почему то не хотѣлъ жениться на Ю. А. и даже разъ въ бесѣдѣ со своимъ пріятелемъ рѣшительно заявилъ:

— Ни подъ какимъ видомъ не женюсь на ней!

— А я тебѣ говорю, что женишься и даже готовъ въ этомъ случаѣ держать пари на пудъ шоколада, — настаивалъ пріятель.

— Ну, и что же: идетъ!

Друзья ударили по рукамъ.

Однако обстоятельства скоро сложились такъ, что нашъ молодой человѣкъ женился на Ланской, а потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней обходилъ иркутскіе магазины, чтобы скупить проигранный пудъ шоколада, который въ то время стоилъ довольно дорого.

Впослѣдствіи Ю. А. въ кругу знакомыхъ острила, что она не изъ дешевыхъ и во всякомъ случаѣ дороже пуда шоколада!

* * *

У купчихи Татьяны Осиповны *Останиной* въ числѣ квартирантовъ былъ какой то поэтъ (фамилія Жуковскій), неисправно платившій за квартиру и столъ. Хозяйка, чтобы выжить изъ дому этого постояльца, вмѣсто супа, стала кормить какой то баландой. Поэтъ сейчасъ же отмѣтилъ это явленіе въ стихахъ, которые облетѣли весь городъ:

Подала хозяйка щи:
Ѣшь да не взыщи;
Хоть не солоны, не густы,
Но съ признакомъ капусты.

* * *

Про городского голову *Свѣшникова* передаютъ, что онъ обладалъ силой, которую любилъ показать на людяхъ. Милое дѣло было для него остановить и выпрячь на Большой улицѣ лошадей полиціймейстера, который ѣздилъ на „пожарныхъ" и всегда вскачь...

* * *

Встарину Иркутскъ привыкъ къ очень крупнымъ пожертвованіямъ мѣстныхъ милліонеровъ. Сотню тысячъ рублей называли мелочью.

Когда умеръ городской голова Д. Д. Демидовъ, оставившій послѣ себя капиталъ въ 17 милліоновъ, въ городской управѣ зашла рѣчь объ участіи города въ похоронахъ его.

— Господа,—говорилъ П. А. Сиверсъ,—надо принять самое близкое участіе въ похоронахъ Д. Д. Я увѣренъ, что онъ не забылъ городъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, да, кромѣ того, онъ и самъ служилъ городу.

И управа in corpore явилась на похороны Демидова: несли ордена, гробъ, были на поминкахъ...

Послѣ оказалось, что Д. Д. пожертвовалъ только 100 тысячъ на бѣдныхъ г. Иркутска. Въ управѣ волновались:

— А вѣдь маху дали съ Демидовымъ то. Изъ за такихъ пустяковъ не стоило оказывать столько почета. Это вы, Петръ Александровичъ, подвели насъ.

— Да, ошибся; что же подѣлаешь...—виновато оправдывался П. А. Сиверсъ.

А. Старовѣръ.

„Современный Якутскъ".

(*По поводу статьи А. М. Серебреникова*).

Въ февральской книжкѣ „Сибирскаго Архива" напечатана статья моего товарища по журналу А. М. Серебреникова. Въ этой статьѣ есть нѣкоторыя недомолвки и не совсѣмъ точныя свѣдѣнія о современномъ Якутскѣ, которыя требуютъ необходимой поправки.

Прежде всего, трудно согласиться съ предположеніемъ А. М. Серебреникова, что Якутскъ расположенъ на равнинѣ, бывшей когда то болотомъ. Зыбуны въ городѣ есть, но они не всегда говорятъ о болотѣ; мнѣ кажется, что эти зыбуны не что иное, какъ остатокъ ямъ русла большой рѣки, протекавшей когда то по теперешнему Якутску.

Дѣло въ томъ, что въ подпочвенной толщѣ, непосредственно за мхами, идутъ отложенія рѣчныхъ песковъ, чего въ болотѣ, какъ извѣстно, не бываетъ. Впрочемъ, я здѣсь особенно не настаиваю на своемъ мнѣніи, и оставляю вопросъ открытымъ.

Кривыхъ улицъ, о которыхъ говоритъ А. М. Серебренниковъ, въ Якутскѣ—нѣтъ. Четыре основныхъ улицы, тянущихся вдоль города—всѣ прямыя; поперечныя—тоже.

Относительно извозчиковъ, которые *никогда не чистятъ своихъ клячъ*,—явленіе для Якутска, дѣйствительно, характерное. Но крайняя степень неприхотливости туземныхъ лошадей, не требующихъ за собою совершенно никакого ухода, служитъ нѣкоторымъ извиненіемъ и даже оправданіемъ. Въ самые трескучіе морозы туземныя лошади не знаютъ конюшенъ; есть изъ нихъ даже такія, которыя боятся стойлъ. Но эта—то самая неприхотливость и громадная выносливость туземной лошади не позволяетъ *нѣкоторымъ* называть ихъ „клячами".

На стран. 106 А. М. Серебренниковъ говоритъ: „Якутскій обыватель настолько лѣнивъ, что предпочитаетъ вмѣсто воды пользоваться льдомъ съ рѣки Лены".

Вѣрно, въ Якутскѣ жители пользуются льдомъ вмѣсто воды, но причина этого явленія кроется вовсе не въ лѣни, а въ совершенно другомъ. Заготовка льда на лѣто — дѣло въ Якутскѣ большой важности. Чище всего вода въ рѣкѣ Ленѣ бываетъ осенью по той причинѣ, что уровень ея въ это время самый низкій и всѣ отбросы, которые приленскіе жители за зиму сваливаютъ въ рѣку, уносятся вешней водой. Осенью рѣка течетъ въ своихъ какъ бы естественныхъ берегахъ. Такимъ образомъ, ледъ, заготовленный съ зимы на лѣто—безусловно чище, нежели та вода, которую жители брали бы лѣтомъ съ рѣки. Вешній разливъ надолго держитъ воду въ Ленѣ мутной. Затѣмъ, среди лѣта каждогодно вода въ Ленѣ прибываетъ и держится недѣли 2. Вода во время прибыли необычайно мутна и почти негодна къ употребленію. Ледъ, сохраняемый лѣтомъ въ погребахъ, устраняетъ необходимость пить такую воду. То, что на первый взглядъ кажется страннымъ, имѣетъ, какъ оказывается, свои основанія. Что ледъ хранится на дворѣ, «на открытомъ мѣстѣ, подверженный всѣмъ вліяніямъ улицы, пылится,» — на это скажемъ, что обыкновенно его сразу опускаютъ въ погреба, а если и бываютъ случаи свалки льда на дворѣ, то это все единичныя явленія. И Кольцовъ еще пѣлъ: „Что ты спишь, мужичекъ?"...

Итакъ, заготовка льда на лѣто преслѣдуетъ чисто гигіеническія цѣли. Что же касается грязной одежды и грязныхъ рукъ, которыми берется ледъ, то это зависитъ уже отъ хозяйскаго глаза и опять таки не всегда и не у всѣхъ.

Дальше мой коллега сообщаетъ, что будто городская интеллигенція отдавала раньше своихъ дѣтей на воспитаніе не только скопамъ, но даже якутамъ. Я не думаю, чтобы А. М. Серебренниковъ говорилъ объ этомъ, какъ о самомъ обыкновенномъ явленіи; я даже готовъ оспаривать самую возможность исключеній. Вѣроятно, здѣсь авторъ былъ введенъ кѣмъ либо въ заблужденіе, несомнѣнно, обидное для якутской интеллигенціи.

На другихъ мелочахъ не останавливаюсь.

Въ заключеніе, я, какъ уроженецъ Якутской области, долженъ высказать самую искреннюю и глубокую благодарность А. М. Серебренникову за то, что онъ, при своихъ сложныхъ обязанностяхъ, находитъ возможнымъ болѣе или менѣе подробно познакомить общество со своими впечатлѣніями, вынесенными изъ жизни въ моемъ *родномъ* краю.

Мой товарищъ пойметъ меня, что только *сыновняя* любовь заставила меня написать эти строки, а не полемическій задоръ, отъ котораго я далекъ.

Иркутскъ, 31 января 1913 г.

Иванъ Поповъ.

ЗАМѢТКИ.

КЪ ПОСѢЩЕНІЮ ФУКУШИМОЙ ГОРОДА УСТЬКАМЕНОГОРСКА. Въ минувшемъ году газеты сообщили о назначеніи Генералъ-губернаторомъ Квантуна извѣстнаго японскаго военнаго дѣятеля Фукушимы. По этому поводу намъ вспоминается посѣщеніе Фукушимой г. Устькаменогорска, Семипалатинской обл. Въ 1892 году, возвращаясь изъ Германіи черезъ Сибирь и Китай въ Японію, Фукушима, въ чинѣ тогда майора генеральнаго штаба, проѣздомъ на Алтай посѣтилъ Устькаменогорскъ. Мѣстная интеллигенція дала путешественнику въ Общественномъ Собраніи обѣдъ. Фукушима разговаривалъ по нѣмецки. Переводчикомъ служилъ начальникъ почтово-телеграфной конторы Крюг – ръ. Во время обѣда К. обратился къ гостю съ слѣдующимъ любопытнымъ вопросомъ:

— Скажите, майоръ, желѣзная дорога не проведена еще изъ Токіо въ Пекинъ?

Фукушима нѣсколько сконфузился и, помолчавъ немного, отвѣтилъ:

—Пока... еще нѣтъ.

Отвѣтъ путешественника большинствомъ изъ участниковъ обѣда былъ принятъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Такъ мало еще тогда знали про Японію! Когда потомъ выяснился весь курьезъ вопроса К., надъ нимъ много смѣялись.

С. Б. Г.

* * *

ЕЩЕ О СИЛАЧѢ СВЯЩЕННИКѢ. Въ одной изъ книжекъ „Сибирскаго Архива“ за 1912-й годъ мы сообщали о силачѣ—священникѣ Бухтарминской крѣпости, Семипалатинской обл., Бисеровѣ. Даемъ дополнительныя свѣдѣнія о немъ. Священ. Алексѣй Петровичъ Бисеровъ былъ сынъ дьячка. Учился въ Тобольской Духовной Семинаріи, которую и кончилъ по первому разряду (студентомъ). Въ 1849 году рукоположенъ во священники къ Ека-

терининской церкви Бухтарминской крѣпости, въ которой и прожилъ до 1858 г. Въ семъ году по собственному желанію переведенъ въ Убинскій форпостъ, Устькаменогорскаго уѣзда, Семип. обл. Въ 1874 г добровольно перевелся въ Туркестанскую епархію, къ Герасимо-Покровской церкви Лепсинской станицы, Сергіопольскаго уѣзда, Семирѣченской обл. Имѣлъ бронзовый крестъ въ память Крымской войны (1853 1856 г.г.) Въ Устькаменогорскомъ благочиніи проходилъ должность общаго духовника. И въ Убинскомъ форпостѣ о Бисеровѣ сохранилось много разсказовъ, въ которыхъ фигурируетъ его поразительная сила. По словамъ казаковъ—стариковъ форпоста, Бисеровъ былъ человѣкъ огромнаго роста, весьма плотный, даже тучный, вѣсомъ не менѣе 7—8 пуд. Въ трезвомъ состояніи являлся человѣкомъ благодушнымъ; подвыпивши,—имѣлъ тенденцію выбрасывать публику въ окна. Легко ломалъ толстыя желѣзныя подковы, сразу останавливалъ за колесо запряженную лошадь на полномъ скаку, легко справлялся съ большимъ медвѣдемъ, носилъ подъ мышкой лодку на Иртышъ (болѣе 100 сажен.) и обратно домой, забрасывалъ на пригонъ (повѣть) десятипудовое точило и т. п. Бисеровъ имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей.

Сыновья не уступали отцу въ силѣ. Особенно крѣпокъ былъ старшій сынъ Іаковъ. Въ возрастѣ 17 лѣтъ Іаковъ Бисеровъ свободно снималъ съ телѣги кадь съ водой, ведеръ въ 10. Отецъ, видя удаль сына, благодушно останавливалъ его словами: „Іаковъ, не балуйся". Вообще Бисеровы оставили о себѣ память въ Убинскомъ форпостѣ. Равнялось-ли нравственное вліяніе священ. Бисерова на приходъ его физической силѣ,—трудно сказать. Объ этомъ мы не встрѣтили въ Убинскѣ никакихъ указаній. Несомнѣнно только одно, что „чудачества" Бисерова забавляли казаковъ. Біографическія свѣдѣнія о Бисеровѣ взяты изъ клировыхъ вѣдомостей Убинской церкви.

С. Б. Г.

* * *

ИЗЪ ПОѢЗДОКЪ ПО ЕПАРХІИ БЫВШАГО ТОМСКАГО ЕПИСКОПА ИСААКІЯ*). Преосвященный Исаакій былъ страстный рыбакъ. Всякая рѣчка привлекала его

*) Преосвящ. Исаакій, Епископъ Томскій и Семипалатинскій, занималъ Томскую каѳедру до 1891 года, а затѣмъ перешелъ въ одну изъ епархій Европ. Россіи. Его мѣсто занялъ въ Томскѣ Бійскій викарій Макарій, въ концѣ 1912 г. назначенный Московскимъ митрополитомъ.

вниманіе и онъ, въ проѣздъ по епархіи, часто сиживалъ съ удочкой на берегу рѣки. Однажды преосвященный пріѣхалъ въ одинъ изъ казачьихъ поселковъ, расположенный на Иртышѣ. Поселекъ славился рыбалкой. Для епископа была снаряжена лодка, на которой онъ и отправился на сосѣдній островокъ, въ сопровожденіи настоятеля Томскаго Алексѣевскаго монастыря, архимандрита Лазаря и полицейскаго засѣдателя Ландышева. Одинъ изъ „Гаврилычей“ (такъ обычно называютъ казаковъ) управлялъ лодкой. Уловъ былъ отличный и рыбаки находились въ прекрасномъ расположеніи духа. Вдругъ „Гаврилычъ“ что то засуетился. Его безпокойство не укрылось отъ глазъ пріѣзжихъ гостей. На вопросъ Ландышева, что случилось, „Гаврилычъ“ прямодушно заявилъ: „Трубка, окаянная, потерялась“!

Услышавъ о несчастьи съ казакомъ, рыбаки оставили свои удочки и усиленно принялись помогать „Гаврилычу“ отыскивать трубку. Но она точно въ землю провалилась. Казакъ съ недовѣріемъ началъ посматривать на гостей. Поймавъ его взглядъ, преосвященный предложилъ обыскать всѣхъ по очереди. Начали съ Гаврилыча. Трубки не нашлось. Далѣе преосвящ. предложилъ свои карманы и снялъ сапоги. Вездѣ было пусто. Примѣру преосвящ. послѣдовалъ засѣдатель Ландышевъ. Результаты тѣ-же. Архимандритъ Лазарь очень неодобрительно отнесся ко всей этой процедурѣ. Дошла до него очередь. Весьма неохотно предоставилъ онъ въ распоряженіе компаньоновъ свои карманы и медленно сталъ разуваться. Каково-же было общее удивленіе, и въ особенности „Гаврилыча“, когда злокозненная трубка выпала изъ голенища одного изъ сапогъ архим. Лазаря. На минуту повторилась сцена изъ „Ревизора“ Гоголя въ моментъ пріѣзда настоящаго ревизора.

— Лядвія моя наполнишася поруганій — громогласно провозгласилъ наконецъ засѣд. Ландышевъ.

Архим. Лазарь былъ уничтоженъ. Неподвижно сидѣлъ наземлѣ ,разсматривая злокозненную трубку. „Гаврилычъ“ пребывалъ въ столбнякѣ. Когда прошелъ первый моментъ удивленія, преосвященный разразился громкимъ смѣхомъ. Замѣчаніе Ландышева о поруганіи лядвій о. архимандрита еще болѣе усилило веселье.

„Гаврилычъ“ недоумѣвалъ, какъ высокій гость могъ „покорыствоваться“ маленькой скверной деревянной трубкой.

—Такъ вотъ почему, о. архимандритъ, вы не желали подвергнуться обыску, — проговорилъ преосвящен., для котораго стало ясно, что надъ Лазаремъ подшутили.

Но кто подшутилъ? „Гаврилычъ“, конечно, не посмѣлъ-бы это сдѣлать. Оставался одинъ Ландышевъ. И дѣйствительно, онъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, незамѣтно сунулъ трубку Лазарю за голенище. Когда все выяснилось, старикъ архимандритъ очень разсердился на засѣдателя, а преосвящ. хохоталъ до упада. Гнѣвъ свой, впрочемъ, архим. скоро переложилъ на милость, такъ какъ его связывало съ Л. старое знакомство. Хорошо относился къ Л. и Епископъ Исаакій. Л. былъ сынъ извѣстнаго алтайскаго миссіонера протоіерея Стефана Ландышева.

С. Б. Г.

* * *

ЦѢННАЯ РУКОПИСЬ И. А. ХУДЯКОВА.

(Изъ переписки съ Редакторомъ).

Милостивый Государь,
Г-нъ Редакторъ.

Покорнѣйше прошу Васъ не отказать напечатать въ редактируемомъ Вами журналѣ нѣсколько словъ объ одной интересной рукописи.

Мнѣ случайно пришлось обнаружить у своего знакомаго Александра Марковича Каблукова (отставного чиновника) очень цѣнную рукопись покойнаго *Ив. Алекс. Худякова*, подъ заглавіемъ „Краткое описаніе Верхоянскаго округа“. Рукопись эта—довольно объемистая тетрадь, въ 174 страницы, написана мелкимъ убористымъ почеркомъ и заключаетъ въ себѣ 16 главъ, кромѣ предисловія и дополненія,—никогда не бывшая въ печати.

Глава I. Физико-географическ. очеркъ Верхоянскаго окр.
» II. Растительность, животныя, пища.
» III. Русскіе.
» IV. Ламуты.
» V. Историческія преданія Якутовъ.
» VI. Обычаи и общежитія.
» VII. Игры.
» VIII. Свадебные обычаи.
» IX. Семья. Роды.
» X. Новоселье.
» XI. Обычаи на промыслахъ.
» XII. Конный и рогатый скотъ.
» XIII. Исыэх.
» XIV. Миѳологія.
» XV. Колдовство и шаманство.
» XVI. Умственное развитіе.

Дополненіе заключаетъ въ себѣ:

1) Пути сообщенія. Станціи и повозки.
2) Метеорологическія наблюденія.
3) Шаманы покойники.
4) Списокъ якутскихъ боговъ и дьяволовъ.
5) Словарь якутскихъ названій животныхъ.
6) Словарь якутскихъ именъ.
7) Дополненіе къ якут.—русск. словарю.
8) Чаргахаи (общеизвѣстная сказка).

Настоящая рукопись авторомъ не подписана; это, повидимому, была обычная манера И. А. Худякова въ ссылкѣ не подписывать своихъ рукописей, такъ же, какъ не была подписана изданная въ Иркутскѣ на средства Сибирякова книга Худякова „Верхоянскій Сборникъ“ (изд. Восточно-Сибир. Отд. И. Р. Геогр. Общ-ва).

По словамъ обладателя рукописи г. Каблукова, онъ ее пріобрѣлъ покупкою случайно въ 1879 г. въ Иркутскѣ у одного человѣка, несшаго ее продавать въ мелочную лавочку на обертки; такимъ образомъ, рукопись пролежала у него, не видя свѣта, три десятка лѣтъ, а авторомъ написана въ 1868 году.

Въ настоящее время г. Каблуковъ, по моему и другихъ лицъ настоянію, хочетъ списаться съ И. Р. Географич. Обществомъ въ С.-Петербургѣ относительно изданія рукописи. Можетъ быть, онъ соберется это сдѣлать навѣрное, но тѣмъ не менѣе, отмѣтить въ печати объ этой рукописи теперь прямо необходимо.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубокой преданности.

И. Я. Мироновъ.

8 января 1913 г.
г. Красноярскъ.

* * *

„РУССКІЙ ОБРИЖЪ“ Лѣтъ 30—35 тому назадъ жилъ въ с. Шиверѣ поселенецъ Жалдабай-Оглы. Живя честнымъ трудомъ впроголодь, Жалдабай иногда выѣзжалъ на «московскій трахтъ» за «добычей».

Въ с. Куйтунѣ ему очень удачно пришлось срѣзать съ проходящаго обоза 1 ящикъ. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ обоза по направленію къ Верхъ-Метляевой, Жалдабай не стерпѣлъ... вскрылъ ящикъ... и о, ужасъ! Въ украденномъ имъ ящикѣ сверху до дна аккуратненько уложены разнаго размѣра иконы съ кіотами и безъ нихъ. Началъ торговать,

но „пустяшная“ прибыль отъ продажи такого «неходового товара, какъ русскій обрижъ», только разозлила Жалдабая.

И вотъ онъ со своимъ товарищемъ по профессіи, какимъ-то Иваномъ цыганомъ, снова отправляется, но уже не въ Куйтунъ, а въ Залари.

Присмотрѣвшись къ обозу, поговоривъ кой о чемъ съ ямщиками, угостили ихъ выпивкой и предъ утромъ срѣзали ящикъ пудовъ въ $5^1/_2$ и... галопомъ съ мѣста гонять лошадей «до дому». Между ними было условлено не вскрывать ящика до «мѣста», чтобы не портить впечатлѣнія въ пути.

По пріѣздѣ въ с. Шиверку, разбили ящикъ и въ немъ оказались фарфоровыя трубки фабрики И. Д. Перевалова.

Цыганъ, помянувъ родителей Жалдабая, заявилъ, что „не сфартовымъ“ товарищемъ больше никакихъ дѣлъ не будетъ имѣть, что „лучше добывать конями, чѣмъ богами да трубками“, и уѣхалъ въ д. Карымскую.

Жалдабай же поклялся не ѣздить за добычей на трактъ и мирно кончилъ дни свои въ с. Шиверѣ.

До сихъ поръ у мѣстныхъ шиверскихъ, нижне- и-верхнеметляевскихъ крестьянъ есть иконы „добычи“ Жалдабая Оглы.

С. А. К.

Редакторъ-Издатель **А. И. Линьковъ.**

Секретарь редакціи **Петръ Чечинъ.**